

Николай Самуйлов

ДНЕВНИК ПИЛОТА МАШИНЫ ВРЕМЕНИ

Сборник повестей и рассказов

Николай Самуилов

**Дневник пилота Машины времени.
Сборник повестей и рассказов**

«Издательские решения»

Самуйлов Н.

Дневник пилота Машины времени. Сборник повестей и рассказов /
Н. Самуйлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857694-2

Первую станцию для перемещения во времени учёные будущего разместили близ деревни Грачёвка в конце сентября 1941 года. Пилот Машины времени Николь Депрези выходит из модуля и знакомится с жителями селения. В это же время в Грачёвку входят германские войска. Николь оказывает жителям медицинскую помощь и спасает тяжело раненого военного лётчика Бориса. Между ними возникают чувства. Вскоре деревню освобождают советские войска. Николь расстается с Борисом. Надолго ли?

ISBN 978-5-44-857694-2

© Самуйлов Н.
© Издательские решения

Содержание

Боль	6
Дневник пилота Машины времени	17
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дневник пилота Машины времени Сборник повестей и рассказов

Николай Самуйлов

© Николай Самуйлов, 2017

ISBN 978-5-4485-7694-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Боль

Рассказ

Да ладно, кофе как кофе. Кстати, кофе у нас неплохой, можно сказать – хороший. И все другие атрибуты. Вот и охранник Джон в уголке – как полагается. И пара посетителей в наличии. Полный комплект, чтобы умереть со скуки.

Я запустила диск с Кристиной Агилерой и едва успела сделать звук по возможности комфортным, когда в заведение вошёл он.

Такой же вылизанный, хотя уже рыхлый. Сколько ему сейчас? Уже, наверное, сорок или сорок один. Старый.

Он был одет по сезону – лёгкая весенняя свето-коричневая куртка, под ней стильная рубашка в тон, брюки тщательно отглажены. Он улыбнулся, ну конечно, у него всё хорошо. Проходил мимо и зашёл выпить чашечку кофе...

Я отвернулась, начала переставлять напитки в витрине. Больше пятнадцати секунд он никогда не выдерживал, торопыга.

– Девушка, я хотел бы кофе! Девушка! Мне что, до бесконечности здесь ждать?

Я обернулась, улыбнулась легко: «Привет!»

– Ты?

Он не удивился. Он просто спросил: «Ты?»

Как будто мы расстались не десять лет тому назад, а вчера, или сегодня утром.

– Я!

Держу улыбку и включаю кофе машину.

– Кофе как всегда?

Он кивнул.

– Ты ещё помнишь мой вкус?

– Двойной чёрный «родео», без сахара.

Он снова кивнул.

– Помнишь «Чёрный мустанг»? Какой прелестный «родео» готовил толстяк Ронни!

Конечно же, помню добрейшего дядюшку Ронни. Сколько прекрасных вечеров я с друзьями провела в его кафе. Там мы с удовольствием слушали блюзы старика Чака Робинсона и сентиментальную игру на гавайской гитаре карлика Филиппа.

Интересно, Ронни всё ещё готовит в своём заведении напиток под названием «аллигатор»? Это самодельное «пойло» здорово веселило нашу компанию. А дядюшке из-за него влетало от наших родителей. Да и от полиции доставалось.

А кофе, который Ронни называл «родео» и правда, был прелестным. У меня такой не получается. Видимо бармен добавлял в напиток что-то своё. И он становился не просто вкусным, но и навевал всевозможные фантазии.

Когда у дядюшки иссякал запас «аллигатора», то лишняя чашка «родео» вполне заменяла его. К тому же родители и вездесущий шериф Клиф Стоун против веселящего кофе не возражали.

Двойная порция с лёгким шипением вливается в чашку. Немного сливок и капелька экстракта мяты. Мой любимый аромат. Надеюсь, и ему понравится.

На подносе несу душистый «капучино» к столику у окна.

Он вальяжно откинулся на спинку стула и бесцеремонно рассматривает меня. Ну, так делают многие мужчины, если в кафе мало посетителей, и больше не на кого тарашиться.

Неужели сравнивает меня с той семнадцатилетней девчонкой, втрескавшейся в мачо, заглянувшего в придорожное кафе? Да, конечно же, сравнивает. Эвон глазки забежали от воспоминаний...

И у меня в оценке кавалеров опыт есть. В этом заведении всяких типов насмотрелась...

Тогда у него были пышные и блестящие от бриллиантина волосы.

Они и сейчас блестят. Только сильно поредели и на висках от седины затуманились.

Ещё у него были усы. Колючая полоска над верхней губой. Сейчас её нет.

В тот вечер он приехал на шикарном белом «кадиллаке» с открытым верхом. И принёс с собой не только кошелёк с бабками, что порадовало Ронни, но и бархатный голос, которым сразу привлёк внимание присутствующих, когда заказывал кофе:

«Девушка! Двойной чёрный без сахара! И поторопитесь!»

Компания моих одноклассников вечерами подрабатывала у Ронни. Кто официантом, кто барменом. Лично я готовила лёгкие закуски и разносила их вместе с напитками посетителям. А под вечер мы заканчивали работу и тратили заработанные деньги. То есть дядюшка кормил и поил нас на все – сполна.

Вместе с сумерками в «Чёрном мустанге» появлялись Чак и Филипп.

Помню, они только начали свой концерт, как возник этот жгучий латинос, сделал заказ и сел у окна. Фирменный кофе в тот вечер подавала я. И мачо задержал на мне свой взгляд. Может быть, тогда и приметил...

Вначале он смаковал «родео». Дядюшка поглядывал на посетителя и ожидал реакции на вкус напитка. Если тот останется довольным, значит, зайдёт ещё...

Под «родео» он стал прислушиваться к «ворчанию» у микрофона Чака Робинсона. Испанский язык старого негра с ужасным ирландским акцентом и низким басом «а ля Поль Робсона» рассмешил гостя. И он, поднявшись с чашкой в руке на подиум, начал тихо подпевать старику. А потом, попросил Филиппа подыграть ему и опрокинул всех присутствующих в свой волшебный мир.

Голос у него красивый. Посетители замерли и, разинув рты, слушали певца.

Помню, как у меня закружилась голова. Совсем не от «родео». От его обжигающих взглядов. Ведь он смотрел на меня... и пел для меня.

И ещё, от несчастной любви, историю которой он рассказал в тот вечер на благородном испанском своим обворожительным тенором.

Ну да, в моём городке многие говорят по-испански. В пятидесяти милях к югу – Мексика. И мексиканцев у нас, как койотов в прериях.

Мне стало обидно, когда он с улыбкой принял наши аплодисменты, одним глотком допил остывший «родео» и стремительно выбежал на улицу. Не оглядываясь, сел в «кадиллак» и растворился в вечерних сумерках. Видимо спешил куда-то.

Потом втайне от всех я плакала. Впервые влюбилась. Наивная девчонка.

Он так легко поразил меня и так просто ушёл, не обратив внимания.

В нашей компании были и другие девушки. Видела, как и у них горят глаза. Но мне казалось, что его взгляды с подиума предназначались только мне...

Потом он появлялся у Ронни почти каждый вечер. Заскакивал на минуту, проглатывал чашку «родео» и стремительно исчезал. Больше не пел. Времени не было. Да и повода тоже.

А потом он пропал. И очень долго не появлялся в «Чёрном мустанге».

Прошло больше месяца.

Душевный огонь во мне уже не полыхал, а лишь тлел. Любовь, как болезнь, со временем излечивается.

Я закончила школу. Родители всё чаще заводили разговор о моей самостоятельности и о том, как я буду устраивать дальнейшую жизнь.

Для продолжения учёбы нужны были деньги. Что бы их заработать, следовало покинуть наш приграничный городок и заняться чем-нибудь серьёзным в другом месте. Например, в Сан-Франциско, в Лос-Анжелесе или в Нью-Йорке.

К дядюшке Ронни я заходила редко...

Ну да, я всё ещё надеялась на маленькое чудо. Огонёк-то тлел.

В тот день я последний раз навестила Ронни, рассказала ему о планах покинуть родной город и попрощалась с ним.

– Это тебе, – сказал мой добрый «работодатель» и вручил мне охапку двадцатидолларовых купюр. – Думаю, девочка, пара тысяч баксов тебе не помешают. В больших городах без них – никак! Бери-бери, ты их заработала!

С долларами в руке я и покинула «Чёрный мустанг».

Белый «кадиллак» с открытым верхом бесшумно остановился напротив меня.

– Девушка! Я хотел бы двойной «родео»!

Я стояла около машины и не знала, что ответить.

– Девушка! Вы что, ограбили толстяка Ронни и собираетесь смыться?! И я вас, наверное, задерживаю?

Я молчала и, конечно же, хотела смыться. И от него тоже. Мне вдруг стало стыдно.

Он подошёл ко мне. От него исходил аромат дорогой туалетной воды и чего-то иного, мне неизвестного.

Ну откуда мне было знать, как пахнут настоящие мужчины! А именно этот волнующий сознание дух и притягивает к мачо юных девушек.

– Садитесь в машину, я отвезу вас домой.

Он даже не дотронулся до меня. Неведомая сила подтолкнула к открытой двери «кадиллака». Сидение, нагретое солнцем, приняло меня как родную.

Он сел рядом. Улыбнулся. Потом открыл бардачок и достал из него бумажный пакет.

– Положите в него деньги. Негоже ходить по улице с таким капиталом. Первый встретившийся мексиканец захочет их присвоить. Причём бесцеремонно.

Я спрятала деньги в пакет.

– Я живу на Седьмой стрит, – сказала я, с дрожью в голосе. – Вы обещали отвезти меня домой.

– Извините! Конечно же, с удовольствием.

Через пару минут мы остановились у моего дома.

– Завтра увидимся в кафе? – спросил он.

– Я больше не работаю у Ронни.

– Ага, и доллары вы получили под расчёт?

Я вышла из машины.

«Всё, я больше не увижу этого красавца», – подумала я с сожалением, а ему сказала:

– Спасибо, сэр!

– Сильвио! Меня зовут Сильвио Санчес!

– Спасибо, Сильвио!

Он тогда впервые назвал своё имя. Оно мне понравилось.

– Ли Браун! – представилась я. – Всего хорошего, Сильвио!

Я шла по дорожке к дому, а он не уезжал. Я чувствовала его взгляд.

У входа оглянулась. Сильвио махнул рукой.

– До скорого свидания, Ли!..

Нынешний Сильвио никуда не спешит. Медленно смакует «капучино», рассматривает входящих посетителей, охранника Джона, меня, Жозефину.

Жозефина здесь главная. Она варит кофе, готовит закуски, угощает редких посетителей. А я всего лишь спустилась в кафе, что бы подменить девушку, пока она принимает от поставщика коробки с кофе и головками сыра.

Экспедитор попался вредный, громко ругался и торопил Жозефину. Пришлось вмешаться, сделать парню замечание. Притих. Кому охота терять место в фирме, которая хорошо платит за работу.

Поймала взгляд Сильвио. Улыбается. В глазах толи грусть, толи усталость.

– Посиди со мной, – попросил он.

– У меня есть немного времени. Посижу.

– Ты не изменилась.

– А ты... ты изменился.

– Я знаю... Ты помнишь?..

– Сильвио, я предпочитаю предаваться воспоминаниям молча... Помню! Я всё помню!

На следующий день он приехал к нашему дому и ждал моего появления.

Мы не договаривались о свидании. Но я вышла...

Да вылетела я из дома, как баба Яга на метле! То есть с метлой. Мол, собиралась подмести дорожки в саду. А тут он...

Ах, какая неожиданная встреча!..

С этого момента началось моё взросление. И как-то уж очень стремительно началось.

В «Чёрном мустанге» мне и моим подругам приходилось терпеть взгляды голодных дальнобойщиков, заезжавших в город из Мексики. Они, не стесняясь, делали предложения фривольного характера, «лапали» и обижали неприличными жестами. Однако там у нас были защитники, наши одноклассники-одногодки, которые наказывали обидчиков разбитыми фарами и проколотыми колёсами. К тому же шериф Клиф Стоун, объезжая городской квартал, навещал заведение Ронни и в качестве гаранта нашей безопасности выпивал с нами чашечку «родео».

А что было в тот день?

А в тот день Сильвио катал меня по городу, по пригородной прерии. Вечером он пригласил меня в ресторан, и мы пили вино. Потом ночная поездка к озеру...

Помню, как огромная луна отражалась в идеальной водной глади, как в горячем воздухе что-то стрекотало, а в воде что-то плескалось...

Сильвио, хоть и торопыга, со мной обращался нежно, не спеша. Мы сидели на берегу. Он обнял меня и впервые за время знакомства поцеловал. Сначала в щёку. Я ещё подумала, что он какой-то несмелый. Взрослый и такой несмелый!

Я уже целовалась с одноклассниками. В шутку конечно. Без каких-либо последствий.

Я рассмеялась. А Сильвио посмотрел на луну, прижал меня к себе сильной рукой и поцеловал по-настоящему...

Во мне что-то заиграло, затрепетало и потянуло вверх, к звёздам, к бесстыдно глядящей на нас луне...

Короче, это произошло именно в ту лунную ночь.

Произошло с мужчиной, который сидит напротив меня и, наверное, вспоминает наше первое свидание.

А может быть и не наше, и не первое. Сколько их было у него?..

Я запретила Сильвио говорить об этом вслух. Это кладовая моих личных воспоминаний. Для посторонних они – табу.

Да-да! Я была юна и по-детски счастлива. Потому что любила. Первый жизненный опыт, как эталон первой любви, я до сих пор никому не позволяю поменять. Ему нет замены.

Первая любовь, первый мужчина, первый ребёнок...

Ну да! Остальное – вторично. К остальному уже проторена дорожка...

Мне в ту ночь было хорошо. Не знаю, было ли так же хорошо ему...

– Ли, в твоём кафе найдётся порция виски, со льдом?

– В нашем кафе только кофе, газированные напитки и лёгкие закуски. Виски, вино, пиво и прочее, можно попробовать в ресторане. В этом же доме, вход за углом.

– Сначала я подумал, что ты здесь работаешь. А ты – руководишь! Кто хозяин?

Пожимаю плечами. Пустой вопрос и мне не хочется отвечать. Тем более, ответ ему вряд ли понравится.

– Ладно. Будем молчать дальше.

Домой Сильвио привёз меня на рассвете. Несмотря на усталость, спать не хотелось. Впечатления, наполненные ощущениями нежности, ещё неостывшей страсти, любовной истомы, будоражили сознание.

Ванная с тёплой водой успокоила меня. И я в ней задремала.

«Это что? – спросила мама, показывая мне засохшее бурое пятно на платье. – Месячные?»

«Нет!»

Мама ахнула.

«Отец узнает, выводит из дома!»

«Я знаю... Я скоро сама уеду...»

Снова Сильвио появился у входа в наш дом через три дня. И увёз меня счастливую с собой. Сначала мы жили в небольшом бунгало, которое он снимал недалеко от работы. Работал он на угольной шахте специалистом по маркшейдерии. Сильвио объяснил, что он осуществляет пространственно-геометрические измерения в недрах Земли и чертит весьма сложные планы для горных инженеров. Тем и зарабатывает приличные деньги.

Правда эта работа была временной. Выполнив задание, он уволился, и мы переехали в недорогой отель. И моя жизнь с любимым человеком продолжалась. И я по-прежнему была счастлива...

У Сильвио имелись деньги. И он не был скупым. За пару месяцев совместного проживания у нас появился свой гардероб. Так что ужинать в ресторан мы ходили в приличных одеждах. А вот чем занимался мой мужчина после увольнения из маркшейдеров и как зарабатывал на нашу безбедную жизнь, меня тогда не интересовало. Не было материальных про – не возникало и вопросов.

Иногда он уезжал из города дня на два-три и возвращался уставшим, но счастливым. И делился своим счастьем со мной.

На следующий день мы садились в наш «кадиллак» и ехали в центр города, в дорогой супермаркет, где он покупал мне какую-нибудь безделушку из золота с бриллиантами. А вечером в новом платье и в новых украшениях я сидела за столиком дорогого ресторана напротив любимого мужчины и излучала на него своё вполне осязаемое счастье. И он не оставался в долгу...

У Сильвио было много друзей. Они уважали моего любимого Сильвио. Они уважали и меня, его женщину. Был у Сильвио и лучший друг. Его звали Мартин Гор. Он часто приглашал нас в загородный дом, где мы купались, пили вино и просто отдыхали в тени пальм на берегу озера.

Я нравилась Мартину.

Мне он тоже нравился. Весёлый, умный парень. Немного младше моего Сильвио.

Я подозревала, что Сильвио и Мартин занимаются каким-то секретным бизнесом, который скрывался от меня. Если друзьям хотелось пошептаться о чём-то, они делали это украдкой. После очередного посещения виллы Гора, Сильвио уезжал в командировку в Мексику. А я скучала в номере на двенадцатом этаже в ожидании возвращения любимого.

В тот роковой вечер над городом разразилась гроза.

Сильвио был в командировке и отсутствовал четвёртые сутки. Дольше обычного. Я начала тревожиться.

Окна нашего номера выходили на юг. Именно оттуда и надвигалась чёрная туча. Могучие молнии ежесекундно выдёргивали из мрака картины городского пейзажа и рыжей, прожаренной солнцем прерии. Природа жаждала дождя.

Я стояла у окна и всматривалась вдаль. Автострада прямой линией тянулась от нашего отеля и упиралась в пустынный горизонт. Там была Мексика. Редкие лучики автомобильных фар на тёмном шоссе пробуждали во мне надежду на скорое возвращение любимого. Но его всё не было и не было.

Грозовая туча надвигалась угрожающе стремительно, молнии сверкали чаще, а гром превращался в непрерывный оглушающий грохот.

Помню, как я спряталась под одеялом и закрыла уши ладонями. Легче от этого не стало. Мне казалось, что громовые удары сотрясают не только отель, но и весь город...

Сильвио вошёл в номер вместе с очередным раскатом.

Отлегло. Всё стало на свои места.

Я обняла любимого, мокрого, разгорячённого, уставшего и... испуганного.

– Что случилось, Сильвио? – крикнула я, стараясь перекрычать громовой гул.

– Меня преследуют!.. – крикнул он. – Меня могут убить!

– Кто?!

Сильвио подбежал к окну.

– Меня преследуют арабы... и полиция!..

Посмотрела в окно и я.

Внизу у подъезда отеля мелькали синие и красные огни полицейских машин.

– Они? – спросила я.

– Полиция немного задержит арабов! Но они разберутся и нагрянут сюда вместе.

– Что им нужно?! – Я обернулась к любимому.

Сильвио показал мне кожаный баул, который держал в руке.

– Это на чёрном рынке потянет на миллион. За этим охотится полиция. А это, – Сильвио показал мне пластиковую коробочку, – стоит три миллиона. И за этим сюда придут арабы.

Я ничего не понимала. Что находится в бауле? Что в этой маленькой коробочке? В такие коробочки упаковывают ювелирные изделия. Их Сильвио покупал для меня. И стоили они вместе с украшением не более ста долларов. А эта – три миллиона!..

– Ты сделал что-то плохое? Ты украл?

– Ну, вообще-то, да... И будет очень плохо, если и тебя задержат, как мою помощницу. Тебе нужно исчезнуть. И как можно быстрее. Преследователи скоро узнают, в каком номере мы зарегистрированы и появятся здесь. И полиция, и арабы... Не я им нужен. Они охотятся... за товаром, который легко превратить в доллары.

Сильвио открыл баул. В нём лежали целлофановые пакеты наполненные белым порошком.

– Это героин.

Я слышала, что в нашем городе процветает наркоторговля. Для наркодилеров нет более доходного места, чем приграничные города. И полиция штатов ведёт с ними борьбу.

Значит, вот чем занимался мой любимый вместе с нашим другом Мартином! Сильвио привозил из Мексики героин, а Мартин его реализовывал. Поэтому у нас были деньги.

– А это – голубой Альтаир¹.

Сильвио открыл футляр. Синий камень ослепительно сверкнул вместе с молнией.

– Этот алмаз похитили у богатого ливийца и тайно привезли в Мехико. Новый владелец предложил камень Мартину Гору. За три миллиона. По его поручению я ездил в столицу Мексики посмотреть на него. Ливийцы, похоже, узнали, где находится алмаза, и напали на дом мексиканца. А я в это время был у него в гостях, оценивал товар. Во время штурма, хозяин погиб, а я успел покинуть особняк, прихватив с собой эту «безделушку». Думал, продам её Мартину... Но арабы каким-то образом узнали обо мне и начали преследование. Их погоню я обнаружил только возле нашего отеля... Ливийцы не знают меня в лицо, но они узнали мой автомобиль. Я успел скрыться в отеле. Сейчас все выходы из него под их контролем. И они быстро узнают место моего пребывания...

– Давай выкинем всё это в окно! – крикнула я. – И у полицейских не будет доказательств, что ты причастен к героину. И его тоже! – Я указала на алмаз.

Сильвио захлопнул футляр и посмотрел на меня.

– Ли! Окна нашего номера выходят на площадь. Сумка с порошком лопнет от удара, и товар погибнет. Если меня пощадят полисмены, то Мартин точно утопит в озере... А алмаз?... Ливийцы прикончат меня в любом случае, получают они камень, или нет. Думаю, мне следует сдать полиции. Эти хоть не застрелят, не разобравшись...

– Тогда – иди! Я не хочу, что бы тебя убили!

И Сильвио заспешил. Переоделся и сунул мне в руку ключ от номера.

– Закрой дверь и никого не впускай. В крайнем случае, сделай вид, что спала. – Он посмотрел на сумку с героином. – Ли, придумай, как избавиться от товара и не попасть в руки полиции. – Он запихнул внутрь сумки футляр с алмазом. – А ещё – спаси себя и, если сможешь, это...

Сильвио пошёл к выходу, но вернулся и поцеловал меня.

– Мы не скоро увидимся. Прощай, моя любовь!

– Береги себя!

Закрыла за ним дверь. Подбежала к окну и подняла фрамугу. Посмотрела вниз. Усиливающийся дождь прозрачной стеной стоял передо мной. Ветра не было. Лишь молнии и пугающий грохот взвинчивали нервы. В клубах надвигающейся тучи, с каждой вспышкой завязывались огненные узелки и с треском разрывали пространство.

Захотелось снова нырнуть под одеяло и заткнуть уши.

Потом ударило неожиданно сильно. Я бы сказала: тяжело. Гигантским молотом по огромной наковальне...

Заложило уши...

Внизу завывли сигнализации припаркованных на площади машин...

Снова смотрю вниз. Да, под окнами асфальт. Баул от удара разлетится вдребезги и миллион размоется ливнем... Миллион!..

Посмотрела направо...

---

¹ Альтаир – самая яркая звезда в созвездии Орла.

Рядом с подоконником при вспышке молнии сверкнула полоска карниза, тянущаяся от окна по стене до угла дома. Протянула руку и пощупала его поверхность. Шершавая плитка, приклеенная к бетону. Ширина сантиметров сорок. Наклон небольшой. Если поставить баул с товаром на карниз, он может удержаться, не соскользнет.

Взяла баул. Тяжёлый. Килограммов десять. Подошла к окну и спокойно поставила на карниз. Попробовала на устойчивость, что бы ни скovyрнулся вниз. Опустила фрамугу. Посмотрела через стекло. Ёкнуло!.. Упал наш миллион... Да не миллион, а все четыре с Альтаиром!

Сверкнула молния... Святая Дева Мария! Стоит!

Делать вид, что я сплю? Это можно.

Да разве тут заснёшь! Там порошок и голубой алмаз висят над пропастью...

Что-то щёлкнуло в тот миг в моей голове. Всплыл наказ любимого Сильвио: сбeречь себя и баул с товаром... Для этого нужно лишь незаметно покинуть номер.

Я открыла гардероб и достала прогулочные шорты и тенниску. Нашла в шкафу спортивные кеды. Переделалась. Привела комнату в порядок. Ключ от двери положила в карман. Выключила свет. Забралась на подоконник и с минуту привыкала к пугающей высоте.

Дождь шелестел. Сверкать и греметь стало реже. Подняла фрамугу до конца. Окно высотой около двух метров. Открытое поднятой фрамугой пространство примерно метр. Наклонилась и перешагнула на уличный подоконник. Держусь за притолоку, перехватываюсь за край окна. Сдёргиваю фрамугу вниз. Она соскальзывает до конца. Теперь открыть её будет невозможно. Запирающие щеколды поставлены на предохранитель. Назад возврата нет.

Мне показалось, что стучат в дверь. Прислонилась к стеклу, прислушалась. Да, кто-то громко и настойчиво стучал.

Наклонилась к баулу и медленно подняла его. Тяжести не ощущаю. Подумала: а не луна-тик ли я? Развернулась спиной к окну и ступила на первую плитку карниза. Правая нога закрепилась. За ней последовала левая. Спина скользила по шероховатой стене. Передо мной висела полупрозрачная дождевая стена. Неведомая сила тянула меня вперёд, равномерно перемещая немеющее тело к углу дома. До него метров пять, или шесть. До мокрого асфальта, мерцающего лужами далеко внизу, около сорока.

Определяю себя в пространстве только при вспышках молний. Разрывы между ними являют абсолютный мрак. На мгновение прижимаюсь к стене. Потом снова иду на ощупь. Слева в дождевой вуали вспыхнул поток света. В номере кто-то включил электричество...

Карниз закончился и я, перемещаясь вперёд, вдруг обнаружила под собой пустоту. Хорошо, что вес тела держался на левой ноге. Спиной ощутила угол дома. Прижалась к нему. Удержалась. В очередной вспышке молнии заметила, что карниз имеет продолжение за углом. Он короткий, всего с метр, и упирается в площадку, на которой мелькнула серая статуя какого-то божества с трезубцем в руке и короной на голове. За божеством виднелся альков – ниша в стене с полукруглой аркой.

Осторожно зашла за угол. Вовремя. Сзади раздался голос, который на чистом английском воскликнул:

– Сэр, здесь только дождь!

Статуя оказалась одного роста со мной. В алькове было достаточно пространства, что бы войти в него и там прийти в себя.

Рука с баулом слушалась с трудом. Пальцы нехотя разжались, и сумка шлёпнулась на бетонный пол. При очередной вспышке сориентировалась и поняла, что в нише с божеством некоторое время можно сосуществовать. По крайней мере, до тех пор, пока полицейские джипы перестанут окрашивать туманную изморось своими мигалками. Но сейчас они продолжают маячить у входа в отель.

Начался ливень. Крупные капли разбивались о статую и брызгали под арку.

Спустя несколько минут, окончательно вымокшая, пришла в себя. Набралась смелости и выглянула из алькова на другую сторону площадки и обнаружила в метре от неё балкон, на который можно перейти. Выход из балкона вёл в коридор нашего этажа.

Рвотные судороги начались внезапно. Меня просто скрутило и я, упав на колени к бетонным ногам бога, несколько минут изрыгала всё, что находилось в моём желудке. А в нём ничего и не было. Одна горькая вязкая слюна...

Это я потом узнала, что рвало меня не от пережитого стресса. Это – обыкновенный токсикоз. Я была беременна.

Сильвио по-прежнему сидел с чашкой кофе и ловил мои взгляды. А я помогала Жозефине раскладывать сырные нарезки в витрине холодильника. Потом мы накормили Джона куриным бульоном с фрикадельками и напоили чаем с бутербродами. Затем к нам спустились наши красавицы Сиси и Коко в любимых полупрозрачных пеньюарах и выкурили вместе с Джоном по сигарете. Работа для девочек будет только вечером. А днём они отсыпаются, или вот... являются, срамницы, в кафе, чтобы поглазеть на посетителей и потрепаться с охранником.

На этот раз девочки приметили Сильвио и незаметно для меня стали строить ему глазки. И мой «любимый мужчина» не остался в долгу. Кивком подозвал меня, попросил сесть рядом и спросил:

– Ли, у тебя есть мужчина?

Я усмехнулась.

– Десять лет тому назад у меня был мужчина. Я его любила, и ждала из опасных командировок. Однажды он ушёл и не вернулся. И, похоже, уже не вернётся никогда... А ты, Сильвио Санчес, вижу, соскучился по женской ласке? Нет проблем!

Щёлкнула пальцами, привлекая внимание девочек к себе. Обе, томно заулыбались и, флиртуя между столиков, приблизились к нам.

– Ли, а ты?..

– Нет. Прошлого не вернуть... Лучше посмотри на наших красавиц.

– Наверное, не дешёвое удовольствие?

– Для тебя Сильвио Санчес – за счёт заведения.

В его глазах забегали чёртики. Вот, кобель!

Сиси и Коко засмеялись и увлекли кавалера наверх в будуары. Думаю, в кафе он возвратится не скоро. Этих ненасытных гетер я знаю хорошо... Кстати, придётся их оштрафовать за появление вне заведения во фривольном виде.

Позвонил Мартин Гор. Вывалил кучу приятных комплементов и спросил, когда я намереваюсь появиться у него дома в качестве хозяйки.

Я живу в престижном районе в шикарной квартире, совершенно свободная от мужчин. А в гостях в его особняке бываю редко. Не смотря на то, что этот мужчина мне нравится.

Сегодня я решу данную проблему... Ну, как точнее сказать? В общем, я дам согласие Мартину на наш союз. Вполне официальный союз.

Уже десять лет зовёт...

Мартин не упускал меня из виду никогда.

Неделю спустя после описанных событий, он пришёл в мой номер и предложил переехать к нему на загородную виллу. Я заявила, что буду ждать возвращения Сильвио. Тогда он предложил мне работу в одном закрытом заведении. Пояснив, в каком именно, добавил, что эта работа обеспечит мне безбедное существование. В свою очередь я осторожно спросила Мартина, какую жизнь он сможет гарантировать мне, женщине его лучшего друга, если я найду потерянный баул с героином...

Короче, депозит в пятьсот тысяч с хорошими процентами теперь обеспечивает меня вполне. И делает совершенно независимой от обстоятельств.

Но Мартин не остановился на этом и назначил меня управляющей своим рестораном. Тем, что за углом, от входа в это кафе. А ещё я приглядываю за нашим борделем. Заведение не для прохожих с улицы. У нас бывают приличные господа. Даже главный городской полицейский капитан Клиффорд Стоун часто заглядывает в наше кафе, что бы выпить чашечку капучино с мятой, поболтать со мной, а потом заскочить на пол часика к Лулу.

Позвонил, значит, мой Мартин и я... согласилась-таки на приглашение к нему в гости. Вечером обещал заехать за нами. За мной и за моим сыном.

У меня есть для Мартина подарок. Я храню его десять лет. Хотела вернуть Сильвию. Но, видно не судьба.

Сейчас загляну в кабинет, открою сейф и посмотрю на сверкающий как звезда алмаз.

Я ещё не придумала ему новое имя. Может быть – Дар Нептуна? У этого бога я была в ту ночь в гостях. И он некоторое время хранил у себя этот камень...

Да, вот он... лежит на красной подушечке... в новом серебряном футляре.

Капитан Клиф Стоун по секрету мне рассказал, что ливийцы, гонявшиеся за Сильвию и алмазом Альтаир в ту страшную ночь, были задержаны федеральной полицией, как агенты недружественного государства. Они сидят в тюрьме.

А Сильвию полиция не задерживала. И куда он делся, ни шериф, ни Мартин не знали. Правда, портье из нашего отеля заметил, что «латинос» из номера на двенадцатом этаже уехал в ту ночь на белом «кадиллаке» в неизвестном направлении...

А теперь, по истечении стольких лет, явился.

Но этот похотливый тип меня больше не волнует. Искорка давно угасла!..

Пора возвращаться в кафе.

Кафе как кафе. И охранник Джон в уголке – сидит на стуле, клюёт носом.

Жозефина суетится возле Сильвию. Он уже вернулся на своё место у окна и совсем не счастлив после посещения будуаров. Неужели проказницы Сиси и Коко загнали постаревшего жеребца...

Жозефина на вопросительный взгляд пожимает плечами.

– Да всё было ладно, Лили! Он спустился к нам, попросил минеральной воды со льдом. Сидел, пил, улыбался. Ему было хорошо... А потом прибежал Марек и попросил у меня бокал кока-колы. А этот, как увидел мальчика, так и спрашивает у меня: «Чей это ребёнок?» Я и сказала, что это сын госпожи Ли Браун. То есть ваш сын. И тут ему стало не по себе. Сердце, наверное!.. Достал таблетки, начал глотать. Потом опять: «Сколько ему лет?» Тут Марек ему уже сам ответил: «Скоро исполнится десять!» И убежал, сорванец... А господин прислонился к окну, смотрит на улицу и молчит. Уже минут десять так сидит...

Марк Браун – мой сын. Он как две капли воды похож на отца. Вырастет таким же красивым мачо. У него закончились занятия в школе и он, конечно же, заглянул к маме на её службу. Я запрещаю Мареку приходить сюда. Но он не слушается... Не дай Бог увидит похотливых гетер!.. Всё-таки я их оштрафую!

Отсутствовала в кафе около часа. Всего-то ничего. А тут такие события!..

На столе перед Сильвию недопитый бокал с минералкой. Рядом валяется таблетка.

Жозефина ходит по залу, протирает столы. Настроение у неё испортилось...

Да наплевать! Он не стоит того, что бы из-за него расстраиваться.

Нужно вызвать медиков и полицию... Пусть заберут его...

Посетителей нет. Они появятся вечером. Короче, скучно у нас.

Снова настраиваю диск с Кристиной Агилерой на комфортное звучание.
Её «Боль» созвучна с моей болью. Хочется спрятаться в уголок и поплакать...
Да ладно! Я своё давно выплакала...
Сегодня у меня первое свидание с Мартином. И не нужны мне красные от слёз глаза!..
А Кристина молодец. Поёт прямо-таки про меня:
«... Если бы у меня был один день,
Я бы сказала, как мне тебя не хватает,
С тех пор, как тебя не стало...
О-о-о, это опасно,
Это просто из ряда вон —
Пытаться вернуть время вспять...»²

Джон достал из пачки сигарету, показал на выход: «Пойду, покурю. Да, послушай, надо бы позвонить. Или пусть ещё посидит?»
Я улыбнулась: «Ему хорошо. Пусть посидит».

Он сидел за столиком и уже не дышал. Ему и вправду было теперь хорошо.

2017 г.

---

² Слова из хита К. Агилеры «Hurt» (Боль).

Дневник пилота Машины времени (*Старая смоленская дорога.* 1941—1942 гг)

Фантастическая повесть³

*Маме, Самуйловой Татьяне Герасимовне,
свидетелю минувших времён – посвящается.*

1

«... Не думала, что мой прелестный мужчина Морис Руа такой завистливый!

Зависть, ощущение досады, вызванное превосходством другого человека, обычно скрывают от окружающих. Однако мучительница душ нетерпелива и однажды вырывается наружу, и начинает мастерить гадости. Она отрицает и дружбу, и любовь. При ней утрачиваются многие прекрасные чувства, обретение которых требует времени, терпения и мужества...

Морис вспыхнул внезапно и погубил все наши достижения...

Я знаю Мориса год. Теперь вижу: не достаточно.

Он раскрылся в драматичный миг, когда его прекрасные чувства вдруг погасли и рассыпались пылью у моих ног, не справившись с напором обстоятельств.

Морис считает, что причиной его неудач являюсь я, почти суженая ему, «прелестная и навеки любимая» Николь Депрези де Фо...

Однако эти обстоятельства порождены не мной...

Нет, милый, не мной!..

Несмотря на важность осуществляемого предприятия, что отодвигает на второй план всё личное, во мне сохранилась любовная истома к этому человеку, подпорченная воспоминаниями о последней с ним встрече...»

Ну вот, первая фраза в дневник пилота Машины времени продиктована.

Это лишь предисловие и к выполняемому заданию отношения не имеет.

Отец рекомендовал: рассказывать обо всём, что увижу, услышу, почувствую. И, конечно же, записывать на кристаллы окружающее пространство. Запечатлевать прошлое в первоизданном виде, без редакции, без поправок, без вмешательства моей женской «точки зрения». Даже если картинка из прошлого не нравится, отворачиваться от неё не следует... Высказывать своё особое мнение можно. А выбирать для записи только прекрасные солнечные закаты и притягивающие взор дикие пейзажи – нежелательно. Нельзя забывать о пещерах и живущих в них троглодитах, об обглоданных костях животных и кучках экскрементов у входа. Их речь, мимику, взаимоотношения полов запечатлевать обязательно, в любых натуральных позах. Словом, записывать всё...

Впрочем, это проект не моего путешествия. К троглодитам мы пожалуем чуть попозже...

А сейчас я навещу не столь далёкое время...

Вот только Морис всё является передо мной, путает мысли и слова...

---

³ Повесть является частью фантастической дилогии «Пилот Машины времени».

Ну, нет его со мной! И речи о нём быть не должно! Следовательно, на Морисе нужно поставить точку. Предварительно пояснив, почему...

Руководитель проекта доктор Тулов из пятнадцати человек – группы испытателей машины времени по проекту «Хронос» – в качестве возможных пилотов выбрал троих. В компании кандидатов оказались: Геннадий Седов, Морис Руа и я, Николь Депрези. Перед стартом ГТК (грузового телепортанного корабля) «Мицар» с МВ (машиной времени) на борту у Геннадия умер дедушка, и он отказался от полевых испытаний и тестирования. Я искренне полагала, что доктор Тулов отдаст предпочтение Морису. К тому же и он очень хотел пилотировать МВ. Его опыт и знания были на высоте. И ещё – он нравился мне, как мужчина...

Я была уверена, что моё участие в экзаменах – простая формальность. Поэтому совершенно не волновалась, выполняя планы испытательных прогонов модулей и отвечая на многочисленные скоростные тесты психологов, техников, хроноскопистов и поляристов. И я не совершила ни одной ошибки. А у Мориса набралось около десятка непростительных ляпов. Наверное, волновался, и это его подвело. Доктор Тулов, не задумываясь, отдал «ключ» от Главного модуля МВ мне. И мы тут же приступили к предполётной подготовке ГТК, арендованного институтом для доставки МВ в точку хронопортации. А Морис, повстречавшись со мной перед отлётом челнока с комиссией на орбитальную станцию, где техники уже снаряжали звездолёт, неожиданно сорвался и наговорил мне всяких гадостей. Чем расстроил меня и снова навредил себе. Доктор Тулов, узнав о нашей ссоре, тут же отстранил Мориса от работы в проекте и перевёл в Париж, где ему предстояло заниматься преподавательской деятельностью в колледже. О решении Тулова я узнала в последний момент.

Просить о «помиловании» было поздно...

«Мицар» телепортировался точно по графику и унёс меня, безутешную, от Мориса Руа за добрый десяток парсеков. А машина времени «Хронос» сейчас разделит и наши времена...

Теперь я нахожусь в межзвездном пространстве галактики Млечный путь в точке, где 797 лет тому назад находилась планета Земля.

«Мицар» только что выпустил в чёрную пустоту, пилотируемую мной капсулу с «Хроносом» и на маршевых двигателях спешно удаляется от места хронопортации...

Наступает очень важный момент в истории планеты Земля и в моей биографии...

Волнуюсь...

Нахожусь в защищённой от излучений кабине пилота и внимательно слежу за «рождением» искусственной каверны индивидуального пространственного «пузыря», в котором будет находиться машина времени до перехода в прошлое. Искусственную каверну создают полевые преобразователи, а я тихо сижу в окружении мониторов и волнуюсь... и рассматриваю искривляющуюся пространственную сетку на главном аэроэкране.

Персональный собеседник МВ сообщает о выполнении главных задач:

«Сжатие ИП (индивидуального пространства) прошло штатно...»

«Совмещение ИП с ИВ (индивидуальным временем) реализовалось без отклонений...»

«Начинается движение в минусовом коллапсе...»

...Клочки разорванного пространства стремятся к центру взрыва и соединяются как пазл, в единое целое. В первоизданном виде, но только в прошлом времени. Это «комп» МВ так фантазирует для меня первое путешествие во времени...

Получилось!..

Я невольно вздрагиваю, увидев на экране сегмент голубого шара, подёрнутого ватными клочками облаков. Солнце позади капсулы. Блик, отражённый от поверхности океана, немного слепит.

Включилась программа ориентации.

Модуль висит над планетой в пятистах километрах. Автоматика поиска точки, намеченной для внедрения «Хроноса», меняет орбиту капсулы. Тяготение вдавливает меня в кресло и размазывает картинки на экранах...

Вслушиваюсь в доклад персонального собеседника о перемещении во времени.

Крикнуть «ура!» не могу, гравитация по-прежнему сдавливает грудь...

Осуществлена контрольная сверка карты модуля с местностью в районе Бородинского заповедника.

А теперь – невесомость. Грудь разрывается от свободы. Сердце трепещет от радости. Сквозь набежавшие слезинки рассматриваю ночную планету.

Внизу настоящая пустынь. Редкие населённые пункты разбросаны вдоль дороги, петляющей среди непроходимых лесов. Намеченная доктором Туловым точка на местности зафиксирована блоком ориентации МВ. Даю задание на внедрение модуля под известковый панцирь в песчано-глинистый холм. Это на западной окраине небольшого селения. Внедрение не должно потревожить местных жителей. И не должно привести к вспучиванию поверхности земли. Там, на глубине ста метров, в известковых отложениях имеются большие пустоты, заполненные минерализованной водой. В одну из таких «линз» телепортируется главный модуль МВ. Вместе со мной, разумеется...

Тихо, без ударов и потрясений...

На экранах проявляется иная картинка: влажная песчаная субстанция медленно стекает по поверхности видео датчиков и омывается мутной водой...

Сейчас предстоит длительная настройка всей машины, и налаживание постоянного канала связи с приемопередатчиком в институте. Началось тестирование наноплат. Медленная и необходимая работа на целую неделю...

«Организм» главного модуля приступил к расконсервации и сборке антенны временного канала.

Я нахожусь в нулевом «психологическом коллапсе». Кричать «ура!» почему-то не хочется. Хочется вылезти из замкнутого пространства капсулы и лечь на обычный диван, но нельзя.

Персональный собеседник монотонно напоминает, что меня «расконсервируют» не сразу – во вторую очередь. Значит, минут через сорок...

Устала! Можно отдохнуть и поскучать о Морисе. И немного подремать...

2

...Приснился отец – молодой, высокий, красивый...

Таким он был в моём далёком и счастливом детстве, на Формозе. Там у нас замок на берегу озера и маленькая ферма. Отец любил проводить на ласковой планете отпуска. Конечно же, вместе с мамой и со мной, непослушной и капризной девчонкой. Именно там он был молодым, высоким и красивым...

После смерти мамы отец изменился... Говорил, что мы с ним осиротели... А теперь вот ушла и я. Ненадолго. Но данное мероприятие он считал рискованным.

Перед стартом «Мицара» отец не отходил от меня. С нескрываемой печалью в голосе шептал родительские напутствия. Словно прощался навсегда...

А ещё приснился Морис. Он тоже прощался со мной... Только в его глазах блестела сталь ненависти. Как в тот злополучный час нашей размолвки...

Что за чепуха мне привиделась!!!

На самом деле среди провожавших «Мицар» я не видела Мориса Руа...

Просыпаюсь...

И сразу исчезают трепетные чувства к мужчине, который мне нравится.

Снова проявляется неприятный осадок, поселившийся во мне после ссоры...

Гектор – персональный собеседник основного модуля – монотонно сообщает, что консервированы вспомогательные аппараты «Хронос-2» и «Хронос-3». Мне предстоит проверить их работоспособность и испытать в деле...

«Хронос-2» – уютное временное жилище с уплотнителем пространства и многофункциональным супер фантомным бионом Уитни.

«Хронос-3» – миниатюрный персональный экипаж с АГ двигателем для путешествий по воздуху с безымянным фантомным пилотом – прелестное перламутровое страусовое яйцо.

Пребываю в отвратительном настроении...

С трудом восстанавливаю душевное спокойствие. Выхожу из капсулы в привычный мир тяготения. «Нормализуюсь» после «приватной» беседы с Морисом. Вернее с его говорящим портретом. Красивая «голова» визави, уже в который раз, призналась мне в вечной любви...

Я поднагужилась и послала льстеца к чёрту.

Морис подарил мне своё «видео» до ссоры. Теперь его красивые признания кажутся насмешкой над нашими бывшими и предстоящими отношениями...

«Утренний» туалет, гимнастика, завтрак.

Внутри «Хроноса-2» временное жильё для пилотов МВ – уменьшенная копия аналогичного отсека основного модуля. Здесь уютно, гораздо уютнее, чем в матрице. Обитель для одинокой дамы. Профессор Тулов сам настроил аппарат «под меня».

Смотрительница модуля Уитни – биофантом широкого профиля – разговаривает по-русски. Мне необходима разговорная практика. Ведь там, наверху, живут эти русские. Я не должна напугать местных аборигенов рокошущим гелакси. Он не похож ни на один из ныне существующих на Земле языков. Ну, разве что, немного на древний английский. Но и англичане меня бы не поняли. А ещё Уитни настоятельно требует от меня нормального произношения по-французски и по-немецки. По «легенде» я должна изображать француженку.

В течение двух часов изучаю историческую справку по данной местности на начальный период внедрения в прошлое. Видеохроника, статистика, экономика, политика и прочее...

Очень странно жили наши предки в те далёкие времена, ...то есть, живут сейчас, в настоящем времени. Там, наверху. Они, при встрече, без переводчика, не могут понять друг друга. Возможно, из-за этого и враждуют между собой. Вот и сейчас сюда идут «враги» аборигенов, говорящие на ином языке. И они, согласно имеющейся в анналах модуля хронике, станут убивать жителей этой земли...

Убивать-то зачем? Приехали бы просто так, например, в гости. Да и жить можно вместе. Вокруг пустыня, чего её делить...

Дикие времена – дикие нравы...

Мы с Уитни просканировали поверхность песчаного холма и определили место для перемещения модуля «Хронос-2». Место выбрали удачное. Телепортация прошла без внешних изменений ландшафта. Теперь мы с Уитни находимся на глубине чуть более метра, в чистой и сухой песчаной субстанции. Над нами – заросли каких-то кустов и сорной травы. Жилища людей располагаются рядом. Ближайший дом метрах в трёхстах от нас.

На поверхности темно. Осенняя ночь. Значит, никто из аборигенов не мог заметить вспышки от внедрения «Хроноса» и, скорее всего, не обратил внимания на лёгкое содрогание почвы при выходе машины времени из ИП.

Почти час мы с Уитни изучаем альбом с образцами женской одежды середины двадцатого века, использовавшейся в данной местности в осенне-зимний период.

Я нахожусь в удручённом состоянии. То, что мне предстоит носить, при возможных контактах с местным населением, выглядит ужасно. Грубое нижнее бельё, неудобные платья

и костюмы. Невообразимо тяжёлые и кургузые пальто и куртки из овечьих шкур. А головные уборы!.. – квадратные куски материи мрачных расцветок, иногда клетчатые, с бахромой по краям!!!

Обувь – ещё ужаснее. Грубые и тяжёлые резиновые сапоги, резиновые боты, валенки из спрессованной шерсти и даже лапти с онучами. Последние, кстати, – наиболее лёгкие и удобные для носки, как осенью, так и зимой...

Французенки из сельских районов одевались куда лучше и приятнее. Кое-что из французского «гардероба» я предложила Уитни синтезировать и разместить в моей комнате. Нижнее бельё пришлось комбинировать из местных вариантов и французских. Получилось нечто более или менее терпимое. Я примерила изготовленные образцы...

Оказывается, у биофантомов есть чувство юмора. Уитни смеялась вместе со мной до колик...

Второй вспомогательный модуль «Хронос-3» можно использовать для путешествий по окрестности, чтобы не привлекать внимания жителей. Перламутровое яйцо вместило в себя синтезаторы индивидуального пространства и индивидуального времени. Аппарат способен передвигаться по временному каналу из будущего в прошлое, используя для этого маяки Основного и Вспомогательного модулей. В нём можно жить все 797 лет и не состариться, так как индивидуальное время затормаживается в десятки тысяч раз. Лишь бы хватило энергии, вырабатываемой реактором аппарата...

3

...Небо чистое, без облаков. По воздуху, в волнах лёгкого ветерка, проплывают серебристые нити паутины. Их можно заметить по прицепившимся к ним жёлтым и коричневым кусочкам листвы и чёрным точкам мёртвых насекомых. Внизу петляет узкая лента дороги, сухая и белая от пыли, местами бурая от спрессованной глины и песка.

Поднявшись от мутного ручья вверх по склону, дорога входит в селение. Здесь она имеет светло-серый цвет. Вся её поверхность аккуратно устлана толстыми брёвнами. Бревенчатый тракт «протекает» между рядами небольших жилых строений и резко спускается с заселённого холма в заболоченную низину. А затем, перешагнув ещё один ручеёк, тянется извилистой лентой среди густых зарослей, украшенных жёлтыми и красными кронами деревьев, в холмистую даль.

А вдали, среди серых соломенных крыш соседнего селения, виднеются церковные купола. Один выделяется серебристым пятнышком на фоне голубого неба. Второй словно парит под небесным сводом и сверкает позолоченным православным крестом. Оба притягивают взоры прохожих.

Люди, идущие по дороге к храму, взглянув на мерцающую впереди звёздочку, крестятся и кланяются, шепча молитвы. Лица прохожих печальны. Во взгляде – тревога...

Сверху видно, как на лугу возле жилищ бродят домашние животные. У каждого дома суетятся люди – взрослые и дети. Большинство из них копаются в огородах.

Соблюдая осторожность, снижаюсь...

...Улица селения пустынна. Возле крайнего дома, у плетённого из ивовых веток забора, бегают куры. Во дворе, около входа в дом, стоит бурая корова, медленно жующая траву из лежащей перед ней охапки. Рядом, прижавшись, друг к дружке, стоят овцы. Они торопливо выщипывают из той же охапки более нежные стебельки. Жуют быстро, озираясь на задумчивую соседку с философским взглядом на окружающий мир...

За домом, на небольшом участке взрыхлённой почвы, работают две женщины. Та, что моложе, бойко вскапывает вилами тёмно-коричневую землю, а старшая, разрыхляя её руками,

извлекает большие светлые клубни картофеля. Картофель укладывают в круглые корзины, и переносят в погреб, который находится за жилым домом, рядом с санным сараем.

Женщины переговариваются, но работают быстро, не останавливаясь для отдыха.

На западе от селения слышны громовые раскаты.

Женщины, услышав их, вздрагивают и, не поднимая голов, быстро крестятся и шепчут какие-то слова. Они, скорее всего, просят защиты у Бога и, одновременно, умоляют покарать тех, кто решился посягнуть на их мир и в настоящее время неумолимо приближается к незащищённым жилищам.

4

Возвращаю модуль на улицу, совершаю выход из ИП и осторожно ступаю на пыльную тропинку перед домом. Осматриваюсь. На улице никого. Куры, копавшиеся в пыли около покосившегося плетня, увидев меня, всполошились и шумно разбежались в разные стороны.

Критически осмотрела свой необычный наряд. Он вполне по сезону. Синее платье с длинными рукавами, серый жакет, синие кожаные туфли на среднем каблучке, белые чулки до колен. На голове голубой берет без каких-либо украшений. Главное, что бы ни бросались в глаза излишества в одежде.

Женщины увидели меня не сразу. Я подошла к ним вплотную, а они продолжали рыхлить землю с усердием обречённых на вечный труд рабов.

Младшая из женщин, лет тридцати, первой взглянула на меня и с удивлением замерла.

– Что, Танюша? – спросила старшая и тоже повернулась ко мне.

– Здравствуйте! – сказала я, старательно произнося каждый звук в слове.

– Здравствуй, деточка! – ответила старшая женщина. – Ты, чья же будешь?

– Беженка. Из Парижа.

– Ах! – покачав головой, сказала старшая женщина. – Наверное, кушать хочешь!? Теперь все бегут от немца! Голодные, холодные! Танюша, отдохни маленько. Я девочке молочка налью. Пошли в хату, деточка! Я сейчас подою корову и накормлю тебя. Парное, оно – полезное. А мы вот, картошку никак не докопаем. Мужиков наших всех на войну забрали. Где они теперь, никто не знает! Вот с дочкой одни копаемся. Горе-то, какое! Прокопа, сына старшего, совсем недавно проводили. На поезде увезли, на запад. А немец, вот он уже. Где-то под Гжатском. Скоро у нас будет. А Париж твой, далеко ли от нас?

– Далеко. За Германией.

– Как же ты сюда-то попала? К родне, что ли, приехала?

– В командировке была, – ответила я, с сомнением, что старшая из женщин знает это замысловатое слово.

Но женщина кивнул, подошла к входу в дом и стала гладить корову, жующую сено, и что-то зашептала ей на ухо.

– Хорошо хоть сена успели накопить к зиме. Значит, не помрём от голода. Ты проходи в дом, не стесняйся. А я сейчас, только ведёрко возьму и Зорьку подою. А ты отдохни, деточка. С дороги-то, небось, ноженьки устали!

– Да вы не беспокойтесь, – сказала я первую сложную фразу. – За молоко большое спасибо. Я ведь только хотела спросить, какое сегодня число. Долго в дороге была. В голове всё перепуталось.

– Сегодня, деточка, двадцать девятое сентября.

– Спасибо.

Я села на ступеньки, возле пахнущей молоком и сеном коровы и стала наблюдать за работой женщин. Младшая, Танюша, продолжала копать картофель, совершенно не обращая на нас внимания.

Двадцать девятое сентября 1941 года!

Теперь можно зафиксировать точную дату проникновения первой Машины времени в прошлое. Она сохранится «на века» в серверах всех трёх модулей.

...Молоко удивительно вкусное. Такое к нам в Бородинский филиал института поставляют из сельскохозяйственных колоний на Формозе и Скандии. Но оно очень дорогое. Гораздо чаще мы пьём синтезированные напитки. Но это, шипящее, сладкое и тёплое, кажется напитком Королей. Или Богов...

Два серебрянных полтинника 1924 года выпуска, состаренных под «бывших в употреблении», женщина брать не хотела. Она сказала, что это «богатство» мне ещё пригодится в дороге. Но я тайком оставила монетки на ступеньках дома...

Прогулка к аборигенам помогла развеяться. По крайней мере, следующие три дня я плодотворно трудилась над расшифровкой древних карт планеты с точками внедрения контрольных телепортационных блоков...

5

Предпринимаю первое ночное путешествие вдоль дороги на запад от поселения. Забыла спросить у знакомых мне женщин, как называется их деревня. При случае восполню пробел. Точно такие же островки цивилизации, большие или меньшие по числу домов, располагаются на небольшом расстоянии друг от друга на протяжении тридцати километров. У небольшого городка, вероятно Гжатска, вижу скопление военной техники германских войск. Танки, самоходные артиллерийские установки, бронемашины, мотоциклы, пушки в конных упряжках, грузовые автомобили, наполненные боеприпасами, провиантом, техникой для оперативной связи, вытянулись в стальную многокилометровую змею на узкой бревенчатой трассе. Рядом огромная масса солдат и офицеров, суетящаяся в «броуновском движении» вокруг скопления техники. Я наблюдаю окружающее пространство с высоты птичьего полёта. Никто бронированную мощь врага не атакует, никто не пытается её остановить. И она, как сжавшаяся пружина, готова выпрямиться и с рассветом ринуться в нашу сторону, к Москве. Но ночью военные отдыхают. Они спят возле машин, пьют награбленную по пути русскую водку, играют на губных гармошках и громко распевают немецкие военные марши.

Я ощущаю, как в прохладном ночном воздухе витают запахи гари, солянки, бензина...

Я чувствую, как пахнет потом от отдыхающих людей и распряжённых лошадей...

Я слышу вопли пьяных солдат и истошные крики насилуемых девушек...

Мне становится не по себе...

Спешно возвращаюсь в модуль...

Уитни долго занимается моим телом и душой...

6

Никаких активных действий! Только пассивное наблюдение!

Если я нарушу эту «заповедь», то совершу преступление, влекущее за собой необратимые последствия. Переplastовка во времени может уничтожить моё «истинное будущее» и я вернусь в чужой для меня мир.

«Легенды» о параллельных пространствах, наверное, имеют под собой почву. Скоро, вслед за мной, в прошлое устремятся потоки исследователей и они, когда-нибудь, совершат ошибки – умышленно или по неосторожности изменят историю человеческой цивилизации. И аномальные «призраки» в виде теней, «читаемые» точными приборами, будут преследовать человечество до скончания дней. А неопознанные летающие объекты с древних времён уже

проникают в наш мир, пугая своим появлением обывателей и настораживая учёную братию. А те, в свою очередь, озадаченные «очевидным и невероятным», ищут точки проникновения к призракам, порождённым нашими «оплошностями», или нашим же воображением...

Но, может быть, ошиблись не МЫ, а ОНИ? И НЛО и прочая «анормальность» – их попытки узнать, кто же мы, на этом свете? И что из нас получилось в результате их экспериментов со временем и пространством?..

Если ошиблись те, из потустороннего мира, то мы для них – жители большого муравейника. Скорее всего, весьма опасные, непригодные для прямого контакта существа...

7

...В эту ночь я не могла находиться в модуле и вышла на поверхность. Просто так, подышать осенним прохладным воздухом.

Деревня спит. Застывшую в ночи тишину изредка нарушают падающие листья и шорохи под черёмуховым кустом. Наверное, мыши. Внизу, у основания холма, еле слышно журчит безымянный ручей...

Несколько минут сижу на лежащем возле куста бревне и наблюдаю исходящий диск Луны, безоблачное небо, усыпанное яркими мерцающими звёздами...

Дымком потянуло снизу, от ручья, вместе с неторопливым прохладным ветерком.

Перехожу в модуль и опускаюсь к зарослям.

За косогором, у самой воды, увидела огонёк костра.

В круге колеблющегося света расположились трое мужчин. Солдаты. Разговаривают по-русски.

Модуль висит в нескольких метрах от отдыхающих, в зарослях, среди пушистых еловых лап. В зыбких отблесках загухающего костра вижу всех троих. Один из солдат, старший по возрасту, лет сорока, достаёт из вещевого мешка грязные клубни картофеля, обмывает их в ручье и бросает в костёр. Второй, лет тридцати, сучковатой палкой нагребает тлеющие угли на клубни и проверяет их готовность к употреблению. Третий, совсем молодой, лежит на расстеленной возле огня ватной куртке и изредка постанывает. Гимнастёрка у солдата разорвана. Виден окровавленный бинт, опоясывающий грудь юноши. Старший солдат изредка наклоняется к раненому и протирает ему лоб влажной, не первой свежести тряпицей.

– Потерпи, лейтенант! Сейчас откушаем картошечки и донесём тебя до наших... Потерпи, командир!

Второй солдат совершенно не обращает внимания на стонущего товарища. Его деятельность сосредоточена только на еде. Запеченные клубни он выуживает из пылающих углей не защищёнными руками, игриво подбрасывает вверх и шумно дует на обожжённые пальцы. Потом разламывает чёрные комочки пополам и жадно проглатывает вместе с запекшейся в золе корочкой. Руки и рот парня черны от сажи. Он изредка «приводит» себя в порядок, вытирая ладони о замасленную до блеска гимнастёрку, или проходит засаленным рукавом по закопченным губам.

– Остепенись, Бачурин! – ворчит старший солдат, когда его попутчик принимается за очередной клубень. – Мы с командиром ещё не ужинали, а ты уже половину мешка оприходовал!

– Да ладно тебе, Митрич! – хохочет Бачурин. – Командиру еда, может уже, и не понадобится. А нам она в самый раз. А картошкой сейчас в любой хате можно разжиться.

– Покорми-ка лучше командира, балаболка! Только аккуратно! Не обожги!

– Не бойся, Митрич! Я теперь насытился и, потому, спешить не буду.

– Вот, возьми ложку. Ею удобнее кормить. И немножко солью окропи. Сам-то без соли, гляжу, трескал?.. И корки горелые ему в рот не пихай!

– Ладно, ладно, Митрич! Горелые корочки я сам употреблю. А соль, это белая смерть.

Проследив за действиями Бачурина, Митрич тоже принимается за еду. Он аккуратно разламывает клубни, посыпает солью и отправляет в рот. Тоже вместе с подгоревшей коркой. Каждую порцию запивает водой из ручья, и каждый раз оmyвает руки. Наевшись, Митрич старательно умывается и приводит свою одежду в надлежащий вид. Выгоревшую от солнца гимнастёрку заправляет под ремень. Ворот застегивает до последней пуговицы. На седые волосы надевает пилотку. Симпатичный аккуратист. На него приятно посмотреть...

– Ну, всё, Бачурин. Можем продолжать путь.

– Вздремнуть бы трошки, Митрич! – говорит, потягиваясь, Бачурин и накидывает на себя ватник. – А то совсем обессилим. Лейтенант ногами слаб. Почитай весь путь на себе тащить придётся. И вообще...

– Некогда нам дремать, Бачурин! Немец по пятам прёт! Сегодня, поди, будет впереди нас. А мы тут расслаживаемся...

– Интересно, где мы сейчас, Митрич?

– Уваровка недалеко! – прохрипел лейтенант. – Я эту дорогу знаю. Здесь, где-то рядом, деревня есть. Кажется – Грачёвка. Я карту смотрел у ротного, царство ему небесное...

– Уваровка, это что, районный центр?

– Да! Мы в Уваровском районе.

– Это же Московская область, Митрич! – воскликнул Бачурин. – Стало быть, и до Москвы не далеко!

– Километров сто пятьдесят, – прошептал лейтенант и откинулся на ватник. – Вы бы меня до Грачёвки... Может быть, там ещё наши!.. Армейские!

– Да вряд ли, товарищ лейтенант! Мы уже с десяток таких деревень прошли. Кроме стариков да баб, нет там ни кого. А нашим братом и до этого не пахло. Да и техники мы не видели. Начальство, видимо, реквизириовало всё, для военных нужд. Даже колхозные конюшни пусты. Так что, пешим порядком двинем к столице нашей Родины!

– Митрич! – заговорщически шепчет Бачурин, наклонившись к старшему по возрасту сослуживцу. – Отойдём-ка в сторонку.

– Военной тайной хочешь поделиться, что ли? Ну, чего тебе, Бачурин? – осведомляется Митрич.

– Нам бы лейтенанта пристроить к какой-нибудь бабёнке в этой деревушке. Может, отлежится при ней до полного выздоровления...

– Ты чего, Бачурин! Немец же, говорю, по пятам прёт! И некому его сдержать! А в Грачёвке этой он непременно чистку устроит! Командира тут же в расход пустят! Он же – офицер и коммунист!

– Ну, ладно-ладно! Это я так... Если бы налегке, мы бы уже под Можайском были. А там – точно наши... Должен же быть где-то боевой заслон!

– Где-то он есть, наверное... Скоро рассветёт. Ночи сейчас длинными стали. И сильно похолодало! Хорошо хоть дождя нет. Бабье лето выручает нашего брата. Бери Бачурин винтари, а я с лейтенантом, и – вперёд! Тут горка крутая. Выйдем на «смоленку» – легче будет!

– Винтари! – буркнул недовольно Бачурин, поднимая с земли оружие. – На три ствола два патрона! Фрицы прямо-таки в штаны наложат, узнавши о нашей огневой мощи!

Митрич пригоршнями плеснул водой из ручья на тлеющие угли. Костёр сердито зашипел, и округа погрузилась во мрак. Лишь лунный свет дразнился тусклым серебром. Воины, бормоча о тягостях и лишениях в их жизни, пошли вдоль журчащей в зарослях воды к белеющей рядом дороге.

Это была старая смоленская дорога. И деревня, возле которой мы оборудовали пересадочную станцию Машины времени, называется Грачёвка. Я нашла в сервере модуля кроки старых карт из атласа и сверилась с «информацией» полученной от солдат. На картах зна-

чится посёлок Уваровка. Но места бывших мелких населённых пунктов, топонимисты будущего почему-то отметили безымянными кружками. Недоработка...

8

Утро выдалось тихим и прохладным. Бледный диск Солнца выплыл на голубой небосвод и завис перед Грачёвкой, словно не решаясь двигаться дальше, по проторенному временем пути. Над соломенными крышами домов из печных труб медленно вытекают и тут же зависают сизые клубы дыма. Слышится лай собак, мычание коров, бляение коз и овец. На приусадебные участки снова вышли женщины, дети, старики и принялись докапывать оставшиеся картофельные грядки. Кто-то суетится возле сараев, «воюя» с дровяными поленьями и кучами извлечённого из коровников навоза. Женщины с ведрами собрались возле колодцев и что-то обсуждают. В нависшей над деревней тишине хорошо слышны их звонкие голоса...

Мужчин призывного возраста в деревне нет. Только один чудаковатый парень, лет двадцати пяти, гоняется по огороду за рыжей взлохмаченной дворняжкой и призывает её остановиться. Собака не даёт и, петляя между кучками картофельной ботвы, норовит пробраться через плетень. Это ей удаётся. Она с трудом форсирует забор в прогалину между сухими прутьями и, виновато оглянувшись на хозяина, трусцой бежит к кустам дикой черёмухи. Хорошо видно, что дворняжка держит в зубах такого же рыжего, как и она, щенка. Спрятавшись в зарослях, сука покрутилась между прижавшихся к земле веток, и нырнула к корявому стволу самого большого дерева. Там она бережно уложила детёныша на опавшую листву, несколько раз лизнула его, и вернулась на поляну. Парень, выражаясь нецензурно, уже шествовал к черёмухе. В руке суковатая палка, которой он помахивает, словно витязь мечом.

– Альма! Иди ко мне! – басит парень, заметив суку. – Где спрятала своего гадёныша?! Ишь, чего удумала! Скоро самим жрать будет нечего, а она пятерых принесла! Показывай, где спрятала!

Альма обиженно твякнула и потрусилась перед парнем, вдоль кустов, отвлекая его от места нахождения щенка. Детёныш, словно чувствуя нависшую над ним беду, стал зарываться в коричневую листву. Спрятав мордочку, затаился.

Альма вильнула хвостом, оглянулась на рассерженного хозяина, и изменила маршрут движения, направившись к дому.

– Всё равно, утоплю гадёныша! – рявкнул парень и не стал преследовать собаку. Подошёл к зарослям и принялся шарить палкой среди веток. Но проникнуть к стволу разлапистой черёмухи ему не удалось. Щенок не выдавал своего присутствия, распластавшись на кучке грязно-коричневой листвы.

– Да и хрен с тобой! Сам подохнешь! Сейчас мамашу посажу на цепь, и тебе наступит конец! Ишь, расплодился!.. Гришкин кобель, видать, расстарался!..

Парень со злостью запустил дубинку в кусты и, бурча под нос ругательства в адрес Альмы и соседского кобеля, зашагал к дому.

Щенок некоторое время лежал, притаившись, а, затем, вынырнул из-под листьев, пискляво твякнул в сторону удаляющегося хозяина, и смело засеменил следом, деловито приносясь к запахам, оставленным матерью...

Где-то далеко на западе зарокотали пушечные выстрелы. Они продолжались несколько минут.

Маленький рыжий комочек, услышав тревожные звуки, встрепенулся, приостановил движение к дому, поднял правое ушко и, с удивлением в коричневых глазах-бусинках, стал вслушиваться в далёкие раскаты. Альма, озираясь по сторонам, выскочила из-за увядавшего клубка лопухов и конского щавеля, схватила щенка за шкурку и поскакала к чернеющему возле родного дома плетню.

Грохот постепенно затих.

Лишь изредка над Грачёвкой раздавался тонкий протяжный свист, от пролетающих снарядов. И один раз, за огородами, на противоположной стороне деревни, прозвучал тяжёлый взрыв, всколыхнувший наступившую после канонады тишину. Земля слегка вздрогнула и снова замерла, в ожидании наползающей на неё кровавой тени войны...

9

Несколько часов проверяла работу настроенных блоков главного модуля. Гектор подробно рассказал о досрочном пуске возбудителя фактора «Зет». Фактор, создающий индивидуальное пространство в мобильной каверне индивидуального времени, возбуждался медленно. Для полного восстановления потребуется около полугода. Зафиксированный настроечный процесс начинался штатно.

Четыре телепортантные станции, разбросанные по планете в зоне действия модуля, законсервированы «до востребования». Теперь они будут ждать первых пассажиров из будущего.

Стартовая установка опечатана самим Туловым и настраивается без контроля со стороны бионов и пилота. То есть, без непосредственного контроля...

Профессору виднее! По его мнению, такая предосторожность исключает воздействие «человеческого фактора» на работу главного модуля Машины времени.

«Ошибка в настройке, это – провал в многотрудной и долговременной деятельности огромного штата учёных нескольких институтов и эпохи в целом». Так говорил Тулов, пряча саквояж со «стартовой кнопкой» во чрево «идеальной недоступности»...

10

...Стальная змея, дремавшая в прохладной октябрьской темноте, медленно пробудилась и принялась изрыгать сизые клубы дыма. Лязгая железными гусеницами, она раздвоилась на две коричневые особи. Одна из них выползла на минское шоссе и заскользила к плохо организованному и слабо оснащённому заслонам на пути к Москве. Вторая «заюлила» по деревянному настилу старой смоленской дороги, навстречу взошедшему над багряным лесом солнцу.

Колонны военной техники, сопровождаемые мотоциклистами, появились из леса со стороны деревни Григоровка. Задержавшись на час возле небольшого селения Прокофьево, танки и самоходные установки медленно подползли к деревянному мостику через безымянный ручей. Командир первой машины видимо не решился въезжать на «нежное» строение, свернул вправо. Подминая под себя ольховые заросли, танк медленно прополз по дну ручья и вывернул на дорогу за мостом. Этому маневру последовали и остальные машины.

За мостиком начинался крутой подъём. Натужено гудя, часть техники свернула влево, на еле заметную тропу, проторенную деревенским стадом коров и телегами на конной тяге. Этот путь пролегал за приусадебными огородами, и вёл, минуя деревню, в посёлок Уваровка. Более лёгкие машины медленно вползали по крутому склону в селение, попутно разрушая стальными гусеницами бревенчатый настил.

Грачёвка предстала взору въехавшим военным селением пустынным, словно вымершим. На белой от пыли улице не видно ни людей, ни животных.

Дорога, рассекавшая деревню надвое, украшенная берёзами с пожелтевшими кронами и ещё во всю зелёными липами, видимо встревожила пришельцев своей странной пустотой. Первый танк замедлил движение, а, затем, остановился, притормозив всю колонну.

Деревья, растущие по бокам тракта, между проезжей частью и дорожками вдоль заборов, закрывали собой убогие, крытые, соломой славянские строения.

Выглянувший из люка танкист с опаской огляделся и осторожно выбрался наружу. Немного посидел на башне танка, а потом достал из чёрной кожаной кобуры воронённый «Вальтер» и трижды выстрелил в воздух.

По обочине к головному танку подъехала серая легковая машина, и из неё вышел офицер – высокий, молодой, вальяжный. Танкист убрал оружие и спрыгнул вниз.

– Ну что? Никто нас не встречает? – спросил офицер танкиста.

– Никто.

– Дикари! Они не имеют никакого отношения к европейской цивилизации!

– Да, Генри! Страшно себе представить объём работы, который придётся проделать, облагораживая наши новые территории.

– А мы, Август, заставим этих дикарей строить нам новые дороги, пахать наши новые земли и соблюдать наш новый германский порядок.

– Думаю, Генри, этой чести удостоятся далеко не все!

– Не все, Август! Не все...

11

И всё-таки непрошенных гостей решили встретить...

Офицер Генри намеревался сесть в автомобиль, а танкист Август уже вскарабкался на башню танка, как их внимание привлекла фигурка человека, появившаяся из дома слева. Коренастый мужчина, лет пятидесяти, с могучей чёрной, местами седеющей, бородой, голубыми глазами, выделяющимся на смуглом лице, вышел на мощёный тракт метрах в ста от головного танка. Из дома за ним, было, кинулась женщина в длинном сером платье, что-то громко причитавшая. Но, увидев стоящие на дороге военные машины, всплеснула руками и засемила назад, быстро крестясь. А житель Грачёвки, широко расставляя ноги, стал медленно приближаться к немцам.

– А вот и делегат от местного населения! – крикнул танкист, стараясь пересилить урчание работающего мотора. Помедлив, он решил присоединиться к красавцу офицеру, и осторожно сполз по шершавой броне вниз. Правой рукой танкист расстегнул кобуру с «Вальтером», но оружие доставать не стал.

Офицер Генри вышел из автомобиля и остановился возле Августа.

– Колоритная фигура! – сказал танкист.

– Да, хауптман! Ты ещё не участвовал в боях с русскими! На твоих танках нет ни одной царапины от пуль и осколков! И тебе только предстоит узнать, насколько колоритнее западных европейцев выглядят полуазиаты, обитающие в деревянных лачугах. Интересно, что он хочет от нас?

Мужчина остановился метрах в пяти перед военными и стал расстёгивать ватную безрукавку. Август выдернул из кобуры приготовленный к стрельбе «Вальтер».

– Спокойно, хауптман! У него там спрятана икона!

– Он хочет нас благословить на «ратные подвиги»?

– Для благословения на ратные подвиги русские используют образ святого Георгия Победоносца. А на нас смотрит Святая дева Мария с младенцем. Скорее всего, это символ милосердия. Он, вероятно, просит о пощаде к побеждённым соплеменникам.

– Пошадим, если победим!

– Не сомневайся, Август! Победа не за горами!

Бородатый сельчанин молча смотрел на незваных гостей, демонстрируя потускневшие от времени лики Христа и его матери. Кожа на лице мужчины, свободная от волосяного покрова, была гладкой и смуглой. Такие же смуглые мозолистые руки уверенно придерживали

икону. Ярко-голубые глаза глядели спокойно и не излучали страха или ненависти к пришельцам. Скорее – любопытство.

Генри подошёл к мужчине и спросил:

– Юден?

– Боже, упаси! – тот час воскликнул бородач и трижды перекрестился, повернувшись лицом к тускло сверкавшему на востоке кресту на куполе церкви.

– Твоё имя? – спросил по-русски Генри мужчину снова повернувшегося к офицерам.

– Яков Шилкин.

– Яков?! – с сомнением переспросил Генри и утвердительно добавил: – Юден!

Яков Шилкин протянул к немцу обе руки ладонями вверх. Украшенные жёлтыми буграми мозолей, в некоторых местах потрескавшиеся от тяжёлой работы, огромные руки крестьянина оказались лучшим документом для любопытного офицера.

– О, да! У юден руки, как у меня! – Генри снял с правой руки кожаную перчатку и показал её Якову. На сухой мертвенно-бледной ладони офицера, кроме папиллярных узоров и тонких морщинок, иных «изъянов» не было. – Я никогда не видел юден крестьян. Юден много сочиняют музыки и книг. Они много играют и поют. Они много думают и очень часто придумывают что-то новое, для того, что бы ничего ни делать руками до появления таких мозолей, как у тебя, Яков. Ты – труженик! И ты ничего не придумал и не сделал для улучшения своей участи. Тяжёлый труд кормит тебя и твою семью. Ты и твои потомки обречены на вечный труд. Потому что ты не умеешь думать. И ты не знаешь, как научить думать своих детей и внуков. Фюреру понадобятся работники вроде тебя. Которые не думают, а работают, работают и работают! Работа делает человека свободным. От всего!..

Август подошёл к Генри и молча наблюдал за происходящим. Генри обернулся к Августу и сказал:

– Этого бородатого мужика я назначаю старостой деревни. Скажи ефрейтору Липке, что бы в дом старосты не поселяли солдат. И пусть выдаст из трофейных продуктов сахар и масло для его семьи.

– Слушаюсь, гер хауптман!

Генри обратился к Якову Шилкину и по-русски сообщил о его назначении старостой деревни Грачёвка.

Шилкин не изменился в лице, не выразил ни одним движением какой-либо реакции на услышанное. Он продолжал стоять посреди улицы и, вместе с девой Марией и юным Христом, изучал «маячивших» перед ним немецких офицеров.

Генри, более не обращая внимания на назначенного им старосту, сел в автомобиль и быстро выехал на тракт. Головной танк во главе с капитаном Августом плюнул сизым дымом в кудрявую берёзку, сшибая жёлтые листочки, и, лязгая гусеницами, пошёл на Якова. Тот от наплывшей на него копоти закашлялся и сошёл на обочину.

Танки поползли вперёд, следом за легковым автомобилем и за стайкой мотоциклов, которые шустро выныривали с обеих сторон колонны и, наполнив благословенную тишину и покой треском и смрадом, устремились на восточный конец селения.

12

Женское любопытство – мой основной недостаток. Меня прямо-таки тянет увидеть, что же здесь произойдёт...

Только не вмешиваться!

Наказ Тулова, как стержень, укрепляющий хрупкий монолит, удерживает меня от незапланированных поступков...

...Основная часть тяжёлой техники проходила по дороге на северном склоне грачёвского холма. В деревню, вместе с танком капитана Августа, вошли несколько грузовиков и десятка три мотоциклов. Танк проследовал к концу селения и свернул на бугорок возле последнего дома. Дорога за деревней уходила круто вниз и вела к следующей возвышенности, на которой виднелись крыши соседней деревни.

Август покинул башню танка и, насвистывая модную мелодию «наши офицеры сейчас пойдут гулять», прохаживался около машины, давая наказ экипажу на соблюдение бдительности. Мотоциклисты, совершив стремительный рейд до следующего селения, возвратились в Грачёвку. Они выстроились в шеренгу на бревенчатом настиле тракта и выслушивали инструктаж ефрейтора Липке.

Майор Генри оставил машину в переулке между домами, поднялся на бугорок к Августу, где стал рассматривать в бинокль видневшиеся на востоке церковные колокольни. Они возвышались над округой, мерцая под неярким осенним солнцем позолоченными крестами.

– Август, – обратился Генри к капитану. – Ты можешь продемонстрировать свои способности в стрельбе по неподвижным целям?

– Могу, гер майор.

– Да ладно, тебе, Август! Называй меня просто – Генри. Видишь колокольню с православным крестом?

– Далековато! – сказал Август, оценивая расстояние на глазок. – Да и наши где-то там, на подходе.

– Наши части задержались в посёлке. – Генри достал из бокового кармана кителя карту и по слогам прочитал: – У-ва-ров-ка. Там население оказало наступающим войскам вооружённое сопротивление. Проводится чистка...

– Ну что же, попробуем... – неохотно согласился Август и дал команду заряжающему подготовить пушку к стрельбе. Ещё раз всмотрелся в призрачную «мишень», до которой было километра три, и шустро влез внутрь машины. Там он долго ловил сверкающий крест в окуляре дальномера, высчитывал углы и допуски, вспоминая баллистические расчёты из учебников, проштудированных в офицерской школе. И, наконец, выстрелил.

Генри припал к окулярам бинокля. Через пару секунд он радостно воскликнул и кинулся поздравлять удачливого стрелка.

Август соскользнул с машины и принял от товарища бинокль.

Колокольня горела. Всё ещё сверкающий крест накренился и был готов рухнуть вместе с поверженным куполом вниз.

– Господь накажет меня! – глухо проворчал хауптман.

– Ну что ты, Август! Это ведь не первый твой грех! И не последний...

Выстрелы прозвучали почти синхронно. Стреляли снизу, из кустов, которые начинались в пятидесяти метрах от бугра.

Август выронил бинокль и соскользнул к гусеницам танка.

Генри схватился за шею, прижимая правой рукой пульсирующую кровавым фонтаном рану. Он стоял неподвижно, опираясь левой на холодную броню, и печально смотрел на умершего друга.

Август лежал лицом вверх. И Генри отлично видел чёрное отверстие в центре высокого лба танкиста. Кровь из него не сочилась. Из раны поднимался еле заметный язычок пара...

Танкист-механик первым заметил раненого майора и поднял тревогу.

Ефрейтор Липке тут же закончил инструктаж и привёл себя и команду в боевое состояние. Солдаты быстро вооружились автоматами, покоившимися в колясках мотоциклов, и цепью побежали к танку и к зарослям, прятаящим удачливых стрелков.

Автоматные очереди в ключья разнесли осеннюю красно-желтую поросль, напитав округу запахом сгоревшего пороха.

Липке вызвал через рацию танка военного врача. Он прибыл на санитарном автомобиле через пару минут.

Взглянув на мёртвого офицера-танкиста, молодой лейтенант в белом халатике умелым движением руки закрыл ему глаза.

– Как его имя? – спросил он у ефрейтора.

– Хауптман Август Райберг, гер лейтенант. А это майор Генрих Линкер. Но с ним следует поторопиться! Сильное кровотечение!

Солдаты, закончив стрельбу, досконально проверили обгрызенные пулями кусты и извлекли из них тела двоих мужчин и их оружие...

14

Это были те самые русские солдаты...

Бачурина я узнала не сразу. Его тело, облачённое в пропитанную кровью гимнастёрку, оказалось буквально изрешеченным пулями. Только пухлые губы не были в крови. Они замерли с налётом презрения к врагу, и всё ещё хранили следы сажи от печёной картошки.

Лейтенант выглядел несколько лучше. Единственная пуля, поразившая юношу в сердце, остановила его мучения навсегда. Марлевая повязка, укрывавшая старую рану на груди молодого командира, напиталась свежей кровью и сползла к поясу...

Майор Генрих Линкер, или просто – Генри, поддерживаемый под руки ефрейтором Липке и военным врачом, был препровождён в санитарный автомобиль. По пути он успел разглядеть тела погибших русских солдат.

– Значит, Господь всё-таки есть! – тихо сказал майор и теряя сознание прошептал: – И он воздал!..

А в ветвях огромной пушистой ели, возвышавшейся рядом с изуродованными автоматными пулями зарослями, прятался третий воин. Немецкие автоматчики не додумались расстрелять могучее дерево. И это спасло Митрича.

У Митрича имелась исправная винтовка. Но у него не было ни одного патрона. А ему так хотелось выстрелить в краснорожего ефрейтора, суетившегося возле поверженных фашистских офицеров...

– Молодец, Бачурин! – вытирая набежавшие на глаза слезинки, шептал старый солдат. – И лейтенанту спасибо! Я бы, «слепота куриная», промахнулся! Ей Богу, промахнулся бы! Но я своё ещё наверстаю! Вот достану патроны, и наверстаю! А вы, ребята, спите спокойно! Я за вас обязательно повоюю!

15

Уитни около часа «возилась» со мной...

Меня рвало, в прямом смысле этого слова. Стоило прикрыть глаза, как передо мной возникала картина, увиденная на восточной окраине Грачёвки...

Испытаний такого рода с будущими пилотами «Хроноса» Тулов не проводил. А надо бы!..

А, впрочем, меня никто не обязывал совать свой нос в «дела давно минувших дней». Если бы Тулов знал, что здесь всё так сложно, он исключил бы несанкционированное появление пилотов Машины времени среди аборигенов. Для этого нужно лишь изъять из проекта вспомогательный модуль «Хронос-3» – маленький перламутровый шарик, эксплуатируемый мной в качестве персонального транспортного средства...

Спустя час, после успокоительного тренинга с Уитни, я отдыхала в мягкой и тёплой постели, напившись коктейля с биовосстановителем...

16

Однако женское любопытство снова увлекло меня на поверхность планеты.

Я считала, что без меня там может произойти нечто, что я пропущу, не увижу, и потом об этом пожалею...

17

Ночью стукнули заморозки. Серебристый иней на тёмно-зелёной траве едва белел свежими кристалликами в предрассветных сумерках. А в лучах восходящего солнца вдруг засиял бриллиантовой россыпью и тут же превратился в капельки росы. Звезда ещё согревала эту часть планеты, доставая золотыми лучиками укромные уголки. Воспарившая влага не сразу улетучивалась, а превращалась в сизую пелену тумана, который плавно сползал по склонам холма в низины, а оттуда медленным потоком заплывал в заросли, тянувшиеся вдоль безымянных ручейков...

18

...Деревня проснулась рано.

Чуть свет около каждого дома уже суетились хозяева – наводили порядок на огородах и в сараях со скотиной. Из этих же домов на улицу выскакивали оголенные по пояс немецкие солдаты, умывались холодной водой, делали зарядку, и что-то громко рассказывали друг другу. Было слышно, как они задорно смеются, показывая на укутанных в платки старух, идущих с ведрами к колодцам. Ещё больше их возбуждали бородатые старики, курившие самодельные сигары, свёрнутые из клочков газеты и начинённые нарезанным вручную самосадным табаком. Солдаты, изображая ужас в глазах, просили разрешения у стариков затянуться чадающей на всю округу «цигаркой», а потом долго кашляли, отмахивались от клубов ядовитого дыма, и, с нескрываемым уважением к «русским свиньям», осторожно возвращали «махорочное исчадьё» ухмыляющимся бородачам. Потом солдаты завтракали, выпивали маленькие чашечки пахучего кофе и большие кружки парного молока. Молоко им нравилось больше.

Ефрейтор Липке шёл по улице, отыскивая дом старосты, назначенного ещё вчера майором Линкером. Следом медленно двигался грузовик, нагруженный мешками с сахаром и ящиками со сливочным маслом. Наконец Липке увидел красивый домик, крытый щепой, и бородатого мужика возле него. Того, что появлялся вчера перед колонной с иконой на груди. Взмахом руки ефрейтор остановил машину и направился к старосте.

– Ты кто? – спросил ефрейтор мужчину по-немецки.

– Яков Шилкин.

– Якуб? – Липке достал из кармана шинели блокнот и отыскал в нём запись, сделанную накануне. – Якуб Шилкин?

– Да! – кивнул Шилкин.

– Говоришь по-немецки?

– Найд! Их ферштее дойч... айн вениг, абер шпрехе нихт!

– Ты понимаешь по-немецки, но не говоришь! Очень хорошо! Тогда слушай! В вашей деревне расквартирован небольшой гарнизон немецких солдат. Тебя назначили старостой. Ты должен организовывать и поддерживать в деревне новый порядок. Ты должен написать список жителей, в семьях которых есть коммунисты и офицеры Советской Армии.

– Кайне коммунистен, кайне офицерен! – сказал Шилкин, невозмутимо посмотрев в глаза ефрейтору.

– Хорошо, что нет коммунистов и офицеров! Но мы будем проверять! Потом! Сейчас, вместе с жителями деревни, мы будем обеспечивать успешное наступление немецких войск на Москву. Мы скоро победим! И ты нам в этом будешь оказывать содействие. Ты понял меня?

– Да, – сказал Шилкин.

– Очень хорошо! – Липке осторожно вырвал из блокнота несколько листков бумаги и протянул их старосте. – К вечеру подготовь мне полный список жителей деревни и укажи в нём наличие домашних животных – коров, свиней, овец. Немецкой армии потребуется много свежего мяса.

Шилкин молча взял листки.

– А писать ты умеешь? – словно спохватившись, спросил ефрейтор.

– Умею, – ответил Шилкин.

– И ещё, – продолжил Липке. – Нужно закопать двоих русских солдат. Они находятся там, – ефрейтор указал рукой направление, – поблизости от крайнего дома.

– Похороним, – тихо сказал староста и тяжело вздохнул.

– Это – война! – Ефрейтор хлопнул Шилкина по плечу и повернулся к машине. – Курт! – крикнул Липке, выглядывавшему из кабины солдату, – выгружай продукты и заноси в дом к старосте.

Курт, белобрысый парень, быстро взобрался в кузов машины и стал выкидывать на дорогу мешки и коробки с продуктами. Одна из коробок от удара лопнула, и из неё вывалились жёлтые куски сливочного масла. Прямо в белую дорожную пыль.

– Осторожно, Курт! – проворчал Липке и направился к противоположному дому, возле которого гоготала компания военных.

– Ничего, – ответил Курт, зыркнув в сторону Якова, – русские свиньи и так сожрут! Интересно, где интенданты нашли это дерьмо?

– Наверное, в каком-нибудь русском магазине, – ответил ефрейтор.

Курт выпрыгнул из кузова на дорогу и шустро взобрался в кабину.

– Забирай, гер староста! – крикнул он Шилкину из тронувшегося грузовика...

19

Через час Яков вышел из дома и направился к соседу.

Хозяин соседнего дома, старичок лет семидесяти, сидел на пне, рядом с кучей наколотых дров и ковырял в редких, изуродованных кариесом зубах приличных размеров щепкой. Увидев Шилкина, открывавшего калитку, сердито плюнул на поленья и нехотя встал.

– Здорово, Пётр Иванович! – сказал Яков, подходя к соседу.

– Ну! – ответил Пётр Иванович и снова погрузил в щербатый рот берёзовую «зубочистку».

Пётр Иванович был одет в грязную и изодранную телогрейку, ватные штаны, калоши, прикреплённые к голням лохматой верёвкой. На седой шевелюре красовался кожаный треух. Бороды он не носил. Однако на сморщенном от времени лице «красовалась» серебристая, недельной давности щетина. Глаза у старика от природы были добрыми. Но на Якова он смотрел с не скрываемой злобой.

– Что надо? – спросил он Якова, вынимая изо рта щепку, на которой висел кусочек не проглоченной пищи. Внимательно изучив найденный во рту «деликатес», старик слизнул его, старательно прожевал и проглотил. Прищурился левый глаз, повернулся к Шилкину.

– Дело у меня к тебе, Пётр Иванович.

– По поручению новых хозяев, что ли?

- По поручению, и от себя – лично.
- С оккупантами никаких дел иметь не желаю!
- Ты сначала выслушай, сосед, а потом возражай!
- Да какие у нас могут быть дела, Яшка? Я слышал, тебя немчура в начальники двинула! Кормёжкой, вон, завалили. Теперь, значит, отработываешь?
- Старостой меня назначили. Временно.
- Угу! – промычал Пётр Иванович и грузно сел на пень. – Излагай, Яша! Да только вряд ли я тебе сгожусь в помощники! Не той я веры, Яша.
- Вера тут ни при чём! Слышал, небось, вчера двоих наших солдат убили? За домом Фроловых. Похоронить их надо, по-христиански.
- Так в чём дело, Яков?
- Ты ведь в Грачёвке всем покойникам домовины мастерил. Смастери и им. Доски у тебя есть? Можно и не струганные. А то ведь в простынях придётся хоронить. Не по-людски как-то...
- Ишь, какой жалостливый! Что, и немцы не против похорон?
- Не против. Наоборот, просили поспешить...
- Конечно же, по-христиански... – проворчал Пётр Иванович и опустил глаза. – Танюшка Фролова ещё с утра прибежала к нам. Они с матерью уже обмыли солдатиков. В чистое, говорит, одели. Лежат они за домом, у ёлки. Я Ваську посылал, что бы могилку на двоих приготовил. Не везти же их на Уваровское кладбище. Там, говорят, людей покروшили, видимо-невидимо! И хоронить некому!
- Ну вот! А я тут перед тобой распинаюсь, Пётр Иванович! Стало быть, окажешь содействие?
- Пошли, примешь работу, господин начальник, – проворчал старик и поднялся с пня. – Васька, хоть и треснутый головой, а столярничать умеет. Помог мне с гробами. И яму добротную для воинов соорудил. Пошли, чего стоишь!
- Пётр Иванович выкинул щепку-зубочистку и проводил Якова за дом.
- На самодельном верстаке, притороченном к стене сарая, лежали два гроба. Сделаны они были на совесть. И доски оструганы, и привычный для гробов дизайн соблюден. На ромбовидных крышках домовин красовались православные кресты, выкрашенные чёрной краской.
- Чудаковатый парень, тот, что гонялся по огороду за собакой Альмой, сидел тут же, на самодельном стульчике с высокой спинкой, украшенной витиеватыми узорами. Возле его ног лежала рыжая Альма, а на коленях сидел знакомый рыжий щенок, принимавший ласки от хозяина.
- Ты, Яков, попроси-ка своих начальников, что бы гробы доставили к дому Фроловых на машине. Тяжёлые они. Тонких досок не было. Пришлось половые пустить в работу. Для бани берёг.
- Попрошу.
- Ну, траурной материи тоже нет.
- Наши вернутся, перезахороним. Ты вот что, Пётр Иванович, вечером зайди ко мне. Я вам с Василием харчей подкину.
- Немецких, что ли? Из тех, что тебе выгружали?
- Они из наших магазинов. Награблены по дороге. Ну не пропадать же добру! Мы с Марфой и сами не бедствуем. Однако зима впереди. А они мне соли мешок, песку сахарного – тоже, сахар колотый – два мешка. И ещё четыре ящика сливочного масла. Правда, порченное оно, не свежее. Но я взял. Думаю, для деревенских нужд сгодится. Будет на чём картошку жарить.
- Вона как! Один, значит, трескать не желаешь? Совестьливый?
- А ты чего думаешь? Совестьливый! Да и немцы у нас не навек. Вот Сталин силушку поднакопит, и попрёт супостатов восвояси. А я как потом буду в глаза людям смотреть!?

– Вот тогда и увидим, как ты будешь на нас zenки пялить! Когда Сталин их отсюда попрёт!
– И ещё... Комендант гарнизона собирает сведения о скотине. У кого, что имеется из живности: коровы, свиньи и прочее. Может статься, что скоро мы лишимся всего этого.

– Ага! А у меня хряк пудов на восемь! и подсвинок! Мы с Васькой хотели хряка к ноябрьским заколоть!

– К каким ноябрьским!? При немцах-то!?

– Дык, по первому морозцу! Все так делают.

– Пока немцы не очухались, нужно хряков потихоньку колоть, мясо-сало солить и прятать от глаз подальше! Потом спасибо скажешь!

– Ну ладно! У нас сухая соломка имеется. Осмолим к ночи...

– И сделаешь подарок соседям напротив. У Петровских дом большой. Там солдат поселилось, почитай – взвод. Хорошо на твою халупу никто не позарился. Ты вот что, Пётр Иванович, после похорон пройдишь-ка по дворам, у кого немцев на постое нет, и скажи, что бы уничтожали живность по-тихому. И прятали её не в погребах, а где подальше и поглубже.

– Ну, ты – стратег, Яшка! Немец твой узнает, пустит тебя в распыл!

– Вот для тебя и должность освободится. Ты ещё берданку свою спрячь. Они пока нетронутые, немцы-то. А коснись чего – обыска начнут устраивать.

– Да уже спрятал! И патроны – тоже! Теперь у меня, Яков, к тебе просьба. Агриппа совсем плохая стала.

– Что с ней?

– Ну что? Сердце пошаливает! Ты же знаешь, дочку её после института в Смоленск работать направили. Она в июне туда уехала. Учителем работать. А тут – война. Ни слуху, ни духу с тех пор от неё. Думала, что приедет, или письмецо отпишет. Ан – нет! Так вот, на почве расстройства, недавно слегла. Наш фельдшер Акимов неделю тому назад в столицу подался с семьёй. А мы здесь, без лекарств. Танюшка Фролова сказывала, в Уваровской аптеке всё сгорело. Аптекаря Каца Семёна Семёновича прямо на улице расстреляли. Ты бы ихнего доктора попросил, что бы укол Агриппе сделал. Акимов делал, так помогало. Он, доктор немецкий, сейчас в доме Акимова поселился. И госпиталь там собираются открыть. А, вернее, уже открыли. А в погребе морг организовали. И место там одно уже занято!...

– Ты чего несёшь!? Пётр Иванович?

– А ты что, не слышал? Вчера поутру эти самые наши солдатики, до того как смертушку приняли, двоих немцев успели подстрелить! Хауптман, капитан по-нашему, в погребе акимовском отдыхает. Его на родину, в неметчину, вскорости отправят. А комендант гарнизона, кажись – майор, раненый в шею в акимовской спальне почивает. Живучий, зараза, оказался! За то, наших солдатиков и порешили... Ты, Яша, вчера аккуратно перед этими офицеришками с иконкой речь толкал. Видать, пресвятая дева Мария, благодаря тебе, обратила на них своё внимание.

– Ясно! – сказал Яков Шилкин и трижды перекрестился. – Пойду просить машину. После обеда, вроде бы, хоронить положено. Нужно успеть. А ты, вечером забегай. Самосадику искурим.

– На немецкие ещё не перешел?

– Ещё не угощали, – спокойно сказал Шилкин и направился к калитке.

Василий, всё время сидевший на резном стуле молча, выпустил из рук щенка и подошёл к отцу.

– Может хату Яшке подпалить? Ночью?

– Не, Вася, погоди немножко. Я потом тебе дам сигнал, – ответил Пётр Иванович и задумчиво посмотрел в след удаляющемуся соседу...

...Яма получилась широкой. По обе стороны будущей могилы возвышались бугорки рыжей глины, смешанной с песком и мелкими камешками. Рядом, на табуретках, поставили гробы, в которых покоились погибшие воины.

Анастасия Филимоновна Фролова и её дочь Таня что-то «колдуют» над покойниками, укрывают их тела белыми простынями и раскладывают на челе ленточки с витиеватыми надписями.

Обе постоянно крестятся и причитают.

Рядом стоят: Яков Шилкин, Пётр Иванович, Василий и несколько пожилых женщины из ближайших домов.

Пётр Иванович, на этот раз, оделся в хороший чёрный костюм тройку и блестящие хромовой кожи сапоги. Коричневую рубашку он застегнул на все пуговицы и периодически проверяет, не нарушена ли строгость в его траурно-парадном наряде. Всё было в полном порядке. Не хватало лишь галстука.

Женщины о чём-то шепчутся, боязливо поглядывают на группу немецких солдат, стоящих около дома Фроловых. Выглядят они вполне буднично. Лишь чёрные платки напоминают об их скорби по погибшим.

Яков Шилкин, окинув мрачным взглядом убранство гробов, сказал:

– Ну, пора, Филимоновна! Прощаемся!

Фроловы отошли от гробов, помолчали, и начали громко рыдать, голоса и причитая. Похоронный плач сопровождался текстом, разобрать который было не возможно. Все кроме Василия принялись креститься.

Немецкие солдаты, услышав женские голоса, подошли ближе и стали наблюдать за происходящим.

Минут через пять женщины «угомонились». Яков и все присутствующие, поочерёдно, подошли к покойникам и проявили к ним последние знаки внимания.

Василий накрыл гробы тяжёлыми крышками и старательно закрепил их гвоздями.

Опускали гробы втроём. Яков и Пётр Иванович держали концы длинного полотенца у головы, а Василий, один, у ног покойников.

Кусочки земли глухо простучали по гробовым крышкам.

Василий, откашлявшись, принялся шустро работать лопатой, засыпая могилу. Яков Шилкин и Пётр Иванович помогали ему. Женщины тихо переговаривались, периодически промокая глаза платочками.

Солдаты, стоявшие метрах в пяти сзади, обнажили головы, и некоторые из них перекрестились.

Василий поднял с земли крест, сделанный из дубовых брусков, утопил в мягкую глину, в ногах погребённых, и стал насыпать могильный холмик. Закончив дело, облагородил его, придав вид аккуратного прямоугольника. И, наконец, вдавливая в землю черенок лопаты, изобразил на глинистой поверхности могилы ещё один православный знак.

Анастасия Филимоновна постелила на холмике вышитое полотенце и поставила на него фарфоровую тарелку. Таня достала из стоящей рядом сумки три стаканчика, в которые Пётр Иванович налил из большой бутылки мутной жидкости. Два стакана поставили на тарелку. Сверху Яков положил по куску чёрного хлеба. Третий стакан пошёл по кругу. Мужчины и женщины выпили, не произнося ни слова. Закусили холодными блинами. Сладкими, совершенно неподходящими под горькую, со специфическим запахом самогонку.

Солдаты ушли незаметно.

Небо над Грачёвкой постепенно стало серым. Подул влажный холодный ветер. Заканчивалось «бабье лето».

Яков Шилкин, Пётр Иванович и Василий подобрали лопаты и направились в деревню. Поднявшись на холмик возле дома Фроловых, они приостановились и ещё раз взглянули на одинокую могилу, на старую ель – единственное украшение приюта отважных воинов. Подождали идущих следом женщин, оценили печальным взглядом мрачающее с каждой минутой небо и повреждённую немецким снарядом церковную колокольню.

Сквозь тонкую влажную пелену хорошо просматривался чёрный каркас обгоревшего и накренившегося церковного купола в селе Колоцкое.

Крест, сиявший над округой при любой погоде, всё ещё был на месте. Такой же чёрный, как и останки купола, он траурно склонился над поруганной землёй...

По деревенской улице, разбивая остатки деревянного покрытия тракта, шла новая колонна военной техники фашистской Германии. Округа дрожала от нахлынувшей на неё рокошущей и чадающей стальной силы.

Дорога уже не пылит под гусеницами танков и самоходных установок. Лишённая деревянного покрытия, она ещё не погибла – сопротивляется, как может, но постепенно становится не проходимой для колёсных машин. От первой же влаги старый смоленский тракт превратился в грязное месиво. И эту тёмно-серую субстанцию, спешащие к фронту танки, разбрызгивают по кюветам, по стволам придорожных деревьев, по плетёным из ивняка заборам, и даже по стенам домов.

А где-то на востоке, словно далёкая гроза, непрерывно рокошет канонада, и глухо, как стоны больного, ухают взрывы. Они со временем становятся тише.

Фронт медленно отодвигается к Москве...

Перед въездом в Грачёвку, прижавшись к кювету, припаркованы три немецких грузовика. Водители машин никуда не спешат. Они терпеливо ожидают прохода военной колонны. Кузова грузовиков, накрытые потрепанными тентами, доверху наполнены телами мёртвых людей...

Их много...

Это – немецкие солдаты, бесславно погибшие на подступах к Москве.

21

...Решила отвлечься от приобретенных впечатлений. Каждое посещение Грачёвки меня обескураживает...

Не спорю, мне любопытно присутствовать при повторном прогоне исторических кадров. Как в древнем игровом кино. Но там режиссёры старались преподнести зрителю информацию, очень близкую к истине. Все знали, что имитируемые события развивались не так, как они происходили на самом деле. Но коммерческие интересы брали верх и кровавую трагедию преподносили зрителям, как приключенческий боевик...

Вот и здесь, в первых актах разыгрываемой «пьесы», казалось, что я присутствую на представлении театра арт-бионов, использующих методику реализма. Там «маленькие человечки» стараются во всю, что бы избавиться от «буквы» академического штампа и, в то же время, абстрагируют моменты истины. «Артисты» добросовестно дают понять зрителю, что коричневый или красный фон это не только фон, но и хорошо воспринимаемая массами идеология. И если при ней людям живётся неплохо, то сытые и благоустроенные индивидуумы не поднимут руку на «кормчего» ведущего их в светлое будущее. Они с превеликим удовольствием примутся лизать его ботинки, заискивающе смотреть в его заплывшие глазки и жертвовать собой по его приказу. И это будет продолжаться до тех пор, пока кто-то, более молодой и хваткий, не покажет ещё не нажавшейся до отвала и не определившейся в жизни массе кусок ещё аппетитнее. И обыватель с готовностью лизнёт такие же башмаки более симпатичного и нежно

воркующего вождя. И покорно пойдёт воевать чужие земли. И станет отдавать свою драгоценную жизнь за идею, которая «не стоит даже слезинки ребёнка»...

Это не абсурд! И не чушь несусветная!..

Зачем меня тянет к этим несчастным, наивным и безобидным аборигенам!?

Картины из их жизни не для меня! Я не ожидала такого «эффекта»...

Снова становится тревожно на душе и кружится голова...

За любопытство приходится платить...

22

...За три дня я осмотрела все четыре телепортанные станции, размещённые по программе внедрения в прошлое. Ещё раз сверилась с картами «нетронутых» естественных объектов и сравнила их наличие на местах. Всё совпадало до мелочей.

Тибет. Заснеженная равнина. Могучие горы, сказочно величавые и спокойные. Монастыри и таинственные тибетские монахи.

Северное побережье Австралии. Одинокaя скала на берегу. Городок Дарвин. Военные корабли и солдаты. Здесь тоже поселился призрак войны. Только он без запаха крови. Алая, солёная на вкус, сопровождаемая дурманящими сознание болевыми шоками, кровь ещё не пропитала солдатский дух. Вооружённые люди задорно смеются и не ведают ничего о гуляющей по планете смерти. Но костлявая старуха с косою скоро придёт и к ним, к жителям самого мирного континента на планете Земля...

Перуанские Анды. Голубой Тихий океан в туманной дали. Индейцы, пасущие на склонах гор овец и длинношеих лам. Они вообще ничего не ведают о существовании взорвавшейся Европы. Они и по-испански почти не говорят. У них своя размеренная и умиротворённая жизнь.

Балканы. Взъерошенная войной Сербия. Опрокинутые внутрь взгляды людей, чем-то напоминающих грачёвцев. Сербь, как и русские, с наивным удивлением и негодованием взирают на непрошенных гостей, спрашивая себя и Бога о несправедливости в отношении к ним. Ведь они никого не трогали, ни кому не угрожали. Почему же их обижают? Почему мешают спокойно жить и трудиться на своей земле?

Специальные горные роботы оборудовали помещения в скальных породах, не имеющих природных трещин и исключают проникновение в них влаги, насекомых и, самое главное, любопытных людей. Это создавалось «на века». По крайней мере, до 29 века о них никто из посторонних не узнает...

На пустынном берегу близ Дарвина я провела несколько часов. Много купалась, лежала на влажном песке и... обгорела. Биовосстановитель поправил приобретённые изъязны, сохранив красный загар. Спустя час моя кожа стала приятно смуглой.

Снег Тибета, идеально чистый, хрустящий, поразил меня больше всего. Я трогала его руками. Я даже попробовала на вкус. Если будет свободное время, обязательно навещу эти места снова. В своём времени...

23

Возвращение из «командировки» я сопоставила с окончанием долгожданного отпуска, который вдруг закончился. К тому же Гектор сообщил, что срок моего пребывания в прошлом истёк, и я могу возвратиться в Бородинский филиал. В моё безмятежное будущее...

Сегодня...

По плану предварительных испытаний машина времени на пять минут активирует проводной тоннель и будет готова отправить модуль «Хронос-2» и Николь Депрези де Фо в приёмный бокс института...

А там, после недельного карантина, я телепортируюсь в древний дивный Париж, где обязательно сообщу моё «фи» незабвенному Морису Руа...

Но есть вариант №2.

Я могу возвратиться к надменному и обидчивому Морису через пять месяцев. К данному времени, после окончательной доводки Главного модуля, тоннель активируется на полную мощность и будет готов к приёму «разведчиков».

Я думала несколько секунд...

Не пожалеть бы потом об этих мгновениях!!!

Нет! Пусть помучается мой незабвенный Аполлон, мой милый Морис Руа...

И я решила-таки вернуться домой, и навестить прелестный Париж, но чуть попозже...

Уитни, по моей просьбе, сделала мне короткую стрижку. Теперь я выгляжу очень забавно.

Просканировали поверхность.

Согласно погоде, подобрали одежду и обувь. Синтезировали саквояж, который наполнили имитаторами древних медицинских инструментов, примитивными диагностическими приборами и упаковками с таблетками и микстурами, совершенно безвредными и абсолютно бесполезными для человека...

Что я, собственно, собираюсь предпринять?!

Ах, да!!!

Это запечатлелось в моём сознании и периодически всплывает, как данное, но неисполненное обещание...

Мне, всего лишь, нужно навестить больную женщину, Агриппу...

Какое странное русское имя – Агриппа!

24

Грачёвку накрыла сырая осенняя тьма. Дождя нет. Однако всё вокруг напитано влагой и холодом.

Грачёвцы ещё не спят, но на улице пустынно. Кое-где в домах, не имеющих на постое немецких солдат, мерцают бледные огоньки керосиновых ламп. Возле домов «побогаче» глухо бухают моторы, вращающие генераторы света. В этих домах ярко горят электрические лампы, и возле них можно заметить фигурки часовых.

Медленно облетаю деревню и, наконец, обнаруживаю домик Петра Ивановича. Приземляю модуль и выхожу на тропинку-тропуар, где сразу попадаю в неглубокую лужу. Спасают резиновые боты. Опасливо отворяю противно скрипнувшую калитку в заборе и подхожу к дому. Где-то во дворе глухо тьякает Альма. Я замираю в двух метрах от дома. Собака ворочается, гремит цепью, но развивать свои охранные способности, в виде непрерывного лая, не собирается. Подхожу к боковой стене. Заглядываю в окно. Через занавеску видно, что хозяйка не спит. В доме мерцает огонёк керосиновой лампы. Стучу в дверь. Вижу, что кто-то шевелит занавеской и смотрит во мрак улицы через верхнее стекло. Меня, видимо, не разглядели. Слышно, как из дома в сени выходит мужчина, басовито бурчит, и скрипит половицами. Долго возится с запором, а, за тем, приближается к дверям террасы – кургузого строения из тонких досок, прилепленного к дому, словно инородное тело. Через хлипкую деревянную дверь отчётливо слышится тихое покашливание и вопрос:

– Кто?

– Это доктор, – отвечаю я, отступая на шаг от открывающейся двери.

Василий выглядывает наружу и в крошечной темноте пытается рассмотреть незваную гостью. Укутанная в тёмный плащ с капюшоном, с саквояжем в руке, источающая лёгкий запах древних лекарств, – притупляю бдительность парня. Он нерешительно чешет шевелюру и бодро говорит:

– А мы никого не вызывали! У нас все здоровы!

– Мне нужно найти дом Агриппы. Я, видимо, заблудилась.

– Ага! – тут же рокочет Василий. – Заблудились. Пройдите в хату. Только пригните голову. У нас низкие притолоки... А здесь высокий порог.

В домике с закопченными потолком и стенами пахнет чем-то вкусным. Слева, на небольшом столе, притороченном около окна, стоит облепленная сажей сковорода с ворохом жареной с салом и луком картошки. Видимо от этого блюда и исходит аппетитный деревенский дух. Всё помещение освещается керосиновой лампой, висящей между окон на противоположной стене. Перегородок в жилище нет. Одна большая комната. Из мебели – две одинаковые кровати, поблескивающие медными шарами на высоких спинках с причудливыми коваными решетками. Кровати расположены симметрично, по углам. У стены справа приютился небольшой платяной шкаф, поблескивающий лаковой поверхностью. Под лампой, не касаясь стены, стоит красивый, ручной работы, продолговатый стол, заваленный ворохом старых газет и потрёпанных книг. Справа же, возле шкафа, топится узкая печь – голландка. Из прикрытой дверцы печки наружу вырываются блики огня. Перед печкой навалены поленья берёзовых дров.

Василий, симпатичный и пышущий здоровьем мужчина, одет в зелёные солдатские бриджи, плетенные из лыка шлёпанцы и застиранную тельняшку с длинными рукавами. Вид у него вполне нормальный, если не считать нервного тика, проявляющегося в виде подёргивания правой щеки. Этого тика Василий стесняется – старается скрыть недуг, повернувшись ко мне левым боком.

Я останавливаюсь у порога, на коврике из мешковины, и снимаю с головы влажный капюшон.

Здесь тепло и уютно.

Петра Ивановича в доме нет. Хотя, замечаю, возле сковородки с картошкой лежат две вилки и стоят большие гранёные стаканы, наполненные мутной жидкостью. Видимо с самодельным спиртным напитком – брагой, или самогоном. К столу придвинуты два «эксклюзивных» стула, с витиеватыми рисунками на высоких спинках. Один из них я уже видела во дворе, во время разговора Петра Ивановича с Яковом Шилкиным.

– А где Петр Иванович? – спрашиваю я Василия, топчущегося передо мной.

– Отец? Э-э... Он сейчас придёт! Он в погребок, за капустой... – начал мямлить Василий, не ожидавший прямого вопроса об отце. – Я его сейчас позову! А вы откуда его знаете? Вы из Уваровской больницы? Что-то я вас не припомню! Я там, почитай, каждого знаю. Из докторов...

– Я из беженок, – лгу я, придерживаясь одной из легенд. – Немного знаю медицину. Вот узнала о болезни Агриппы. Хочу ей помочь. Как она сейчас?

Василий перестаёт мяться. Подходит к столу, разворачивает ближний ко мне стул, рукавом смахивает с сидения воображаемую пыль и предлагает присесть. С удовольствием сажусь. У меня почему-то начали дрожать ноги. От волнения, что ли? И ещё – этот запах от жареной картошки со свежим салом... и луком...

Вспоминаю, что давно не обедала, а перед выходом из модуля провела чистку желудка. Это было обязательным актом перед осуществлением «контакта» с иными средами. Витаминные таблетки, конечно же, помогают сохранять силы. Но желудок настойчиво требует наполнителя...

И я не отказалась бы, если бы мне предложили...

Василий заметил, что я глотаю слюну, и сбегал в сени, за тарелкой и вилкой.

– Пока батя в бочке с капустой копается, мы сейчас поужинаем. Снимайте-ка плащ... и халатик ваш беленький... Вот сюда, на гвоздик, около дверей повесьте.

Я приподнимаюсь с удобного резного стула и снимаю тяжёлый дождевик и «беленький» халатик. А Василий, сверкнув глазами на мою загоревшую под весенним австралийским солнышком «физиономию», по-мужски зарделся, дернул щекой и снова сбегал в холодные сени. Принёс запечатанную пол-литровую бутылку с надписью на этикетке «Водка» и три маленьких гранёных стаканчика. Всё-таки три. Значит, Пётр Иванович скоро будет, с квашеной капустой. Вот если бы Василий принёс два стаканчика, то он, непременно бы, сделал мне предложение «соединить наши сердца».

Шучу, конечно же... Это от волнения – нервное...

На улице скрипнула калитка и знакомо твякнула Альма. Ещё гости пожаловали? Это, пожалуй, лишнее!

Василий настораживается, прислушивается к звукам с улицы.

– Извините, я сейчас, – почти шёпотом говорит он и бесшумно исчезает за дверями.

Модуль я оставила у входа в дом. В кромешной темени он не заметен. Висит себе в метре от стены, ни кому не мешает. Подключаюсь к нему, не покидая жилища. Объёмное изображение проявляется над сковородкой с жареной картошкой, и я вижу Петра Ивановича, вытирающего об увядшую траву грязные сапоги. Василий, вышедший навстречу отцу, негромко спрашивает:

– Бать, это ты?

– Я, я! – ответил Пётр Иванович, продолжая выписывать в мокрой траве танцевальные «па», способствующие омовению обуви.

– У нас гости!

– Яшка, что ли, припёрся?

– Нет! Ты не поверишь, к нам докторша пришла! Говорит, что искала дом Агриппы. Заблудилась и попала к нам.

Пётр Иванович несколько секунд продолжает кружиться у плетня, а потом замирает и настороженно смотрит на едва светящееся во мраке окно.

– И что? Она у нас в доме? – спрашивает Пётр Иванович, подходя к Василию.

– Сидит за столом, слюнки глотает, глядя на картошку в сковородке. Похоже – голодная. А ты чего так долго? Я ей сказал, что ты, батя, за квашеной капустой в погреб полез... Придётся лезть.

– Принеси из сеней чашку! Схожу уж за капустой! Я у Шуры Новиковой овечку её разделывал. Засолили в кадке, в огороде припрятали. Ну, чего стал... как памятник! Врачиха-то, откуда будет? Я её знаю? Молодая, али старуха?

– Девчонка! Когда вошла, тебя по имени-отчеству спросила. Где мол, Пётр Иванович. А откуда сама – не сказала... Но не похоже, что из Уваровки.

Василий и Пётр Иванович зашли в сени.

Я быстро отключаю модуль и ожидаю хозяев.

В дом Пётр Иванович и Василий вошли вместе. Небольшая эмалированная чашка в руках Петра Ивановича наполнена капустой, украшенной кусочками розовой моркови и ломтиками яблок.

– Здравствуйте, сударыня! – степенно говорит Пётр Иванович. – Вот и я. Обо мне спрашивались? Мы вроде бы и не знакомы.

Я встаю со стула и поворачиваюсь к вошедшим.

– Не знакомы. Но я о вас слышала.

– От кого?

– Уж и не припомню, – соврала я.

– А из каких краёв будете? В такое тревожное время, да ещё в темень?

– Я – беженка. Из Парижа.

Пётр Иванович с чашкой в руке философски вздёрнул правую бровь и принялся пристально рассматривать меня, с ног до головы. Больше всего его заинтересовали мои резиновые боты. Я опустила глаза и тоже посмотрела на них. Новые, блестящие чёрным лаком, словно только что извлечённые из упаковочной коробки. Никаких следов грязи и пыли. Даже не мокрые. А, судя по погоде, должны соответствовать «текущему моменту». Кирзовые сапоги Петра Ивановича, не смотря на тщательную чистку в траве, выглядели натурально – и мокрые, и грязные.

– Как звать-то вас, доченька?

– Николь.

– Нерусская?

– Француженка.

Пётр Иванович удивлённо крякнул и поставил чашку на стол.

– Присаживайтесь. Сейчас отужинаем, чем Бог послал. Вот только шлёпанцы одену. Вася, не стой посреди хаты светящимся в сумерках пнём, обслужи гостью.

Василий и в самом деле светится. Лицо покраснело, глаза сверкают синими лампочками. Тик на щеке «работает» почти без остановки. Надо бы вмешаться, просканировать, поставить диагноз и влить в спиртовой раствор дозу эмбрионального восстановителя. Но, сначала, нужно установить причину... Видимо приобретённый – результат полученной травмы...

– Э-э... давайте-ка, я вам картошечки наложу, – говорит Василий. – И капуста... на тарелку... С огурцами в этом году промашка вышла – морозцем побило... А ананасы в наших краях не произрастают... А вот этого добра – полон погреб...

Столовой ложкой Василий старательно перемешивает содержимое сковороды и накладывает на тарелку солидную порцию экзотической еды и добавляет квашеной капусты. От каравая, лежавшего на столе в полотняной обёртке, отрезает несколько кусков и тот, что крупнее пристраивает на краю моей тарелки.

Пётр Иванович, в таких же, как у сына, плетёных шлёпанцах, именуемых «лапти», входит в помещение, бросает печально-загадочный взгляд на меня и на Василия, подходит к голландке, разгребает кочергой красные угли, и степенно усаживается рядом. Василий втискивается в уголок около стены.

– Сперва – по маленькой и закусим, – говорит Пётр Иванович, осторожно отскребая сургучную печать с горлышка бутылки. – А потом приступим к беседе.

Коричневые крошки от сургуча и саму пробку, ловко извлечённую из сосуда ударом ладони по донышку, Пётр Иванович выкидывает в старое металлическое ведро, стоящее под столом. Водку разливает на глазок, но точно, до миллиграмма...

По моей команде модуль накидывает на хозяев дома проникаемый кокон индивидуального времени и снижает биоритмы до «чистого» нуля. Сканирование Василия подтверждает догадки о приобретённой травме. Повреждение нервных окончаний в левой части лица. При общем возбуждении возникают не контролируемые колебания лицевой мышцы. Поправимо. Хуже другое. У Василия обнаруживается нарушение в работе головного мозга. Левое полушарие, в результате жёсткого разового воздействия, возможно – удара, не воспринимает биоритмы, контролирующие 33 сегмент. В результате чего накапливается отрицательная «Корон энергия». При её избытке происходит моментальный энергетический выброс. Эпилептический удар. Потеря сознания, судороги, общее ухудшение самочувствия. Угроза кровоизлияния в мозг. Устойчивое генное нарушение, передающееся по наследству. Детей Василию в таком положении иметь никак нельзя. Излечить недуг можно, при точном выполнении режима и применении биологической терапии. При моих возможностях, месяца за два управлюсь. Но для этого необходимо: либо раскрыть себя и внушить пациенту необходимость пить спиртовой раствор с эмбриональным восстановителем ежедневно, перед сном, в количестве 50 граммов,

а не по пол-литра за «один присест»; либо погрузить его в индивидуальный пространственный кокон, отправить в модуль к Уитни, держать в суровом режиме месяц, потом вычистить память от всего увиденного, и вернуть к данному столу, перед поднятием первого тоста, за знакомство...

Пётр Иванович – вполне здоров. Незначительные солевые отложения, что вполне соответствует возрасту. И довольно-таки значительные накопления никотиновой смолы в лёгких от самосадного табака. От того и другого я помогу избавиться доброму хозяину хижины за один приём спиртового раствора. Соль растворится и уйдёт из организма естественным путём. А никотин придётся выхаркивать месяца три, если курить умеренно.

Я быстро заменила водку в стаканах Василия и Петра Ивановича на соответствующие «лекарственные» дозы раствора. Полагаю, что тик Василия исчезнет уже через пять минут, после первой рюмки. А всё остальное для обоих произойдёт незаметно, и при отмеченных мною условиях. В первую очередь – при соблюдении режима...

– Ну, доченька, за наше с вами знакомство!

Я выпила содержимое стакана. Это была самая настоящая русская водка, из бутылки. И, не стесняясь хозяев, накинулась на остывающую картошку.

Ей Богу, вкусно!

Да ещё со свежеквашеной капустой. И сало таяло во рту, догоняя угасающий водочный огонёк.

Пётр Иванович и Василий с умилением смотрят на мою физиономию, разбухшую от набитой в рот пищи, и улыбаются.

– Мне Танюшка Фролова что-то про вас рассказывала, – начал беседу Пётр Иванович, – с месяц тому назад. Говорит, что беженка через Грачёвку проходила. Издалека. Будто бы в командировке задержалась. Значит, это про вас? Или нет?

– Была я у них. Молоком меня угощали.

– А про Агриппу от кого узнали?

– Не помню. Может быть, Фроловы мне и сказали.

– Француженка, а по-русски весьма недурно изъясняетесь, сударыня! Э-э... как вас по имени-то?

– Николь! – напомнила я Петру Ивановичу своё имя. – А по-русски... лучше всего – Натали. Или Наташа. И можно на «ты». А то официальное «вы» как-то меня сковывает. Русский знаю, потому что длительное время жила в Бородино. Сейчас попала к вам, в Грачёвку и не знаю что предпринять. Живу у разных людей в соседних селениях. Врачебная практика небольшая, но тёте Агриппе помочь смогу. Если разрешит, поживу до выздоровления у неё. С немцами связей не имею.

– Предупредительная! Ответила на все незаданные вопросы. А Агриппе теперь только Бог может помочь. Сердечко у неё паршивое. Яшка, наш сельский староста, немецкого врача приводил к ней. Тот, конечно, больше по ранениям спец. Он сказал, что Агриппе нужен покой, питание и соответствующие лекарства. А где их сейчас найдёшь? Немец ей уколы делает. Хороший немец. Не шарается от Агриппиной беды. И нос не воротит от хлева, в котором она живёт... Она-то тебя примет на постой, доченька. Да будешь ли ты там жить? Вот сходим к ней – увидишь её хоромы...

25

Тик у Василия прошёл. Он это заметил не сразу. Не дёргается щека, и ладно. Видимо и такое у него бывало.

Угощение, вместе с двумя рюмочками водки, мой желудок принял с благодарностью. Слегка захмелела и вывалила на хозяев такую «ерундистику» о моём появлении в Грачёвке, что сама в неё поверила.

После ужина Пётр Иванович одел кирзачи, брезентовый плащ и взялся проводить меня до дома Агриппы.

Скрытые темнотой, тайком, прошли вдоль плетней несколько строений и приблизились к маленькому домику с подслеповатыми окошками, через которые едва пробивался огонёк лампы. Тяжёлая дощатая дверь оказалась незапертой и Пётр Иванович, открыв её, первым переступил порог. Я последовала за ним и оказалась в тёмном тамбуре, в глубине которого, тяжело сопя и постукивая копытами о деревянные доски, размещалась корова. Пахло навозом. Ноги скользили на сыром полу. Я чуть не упала. Пётр Иванович, услышав мои «ахи», подхватил меня за руку и поставил рядом с собой. Пошарив в темноте по стене, он нашёл дверь, ведущую в жилое помещение. Открыл её и впустил меня первой.

Внутри царил такой же полумрак, как и в каждом жилище грачёвцев, не имеющем электрического освещения. Свет излучали: керосиновая лампа с закопченным стеклянным колпаком, стоявшая на маленьком столике возле окна у правой стены, и огромная русская печь, из открытого горна которой в помещение «выплёскивались» красноватые блики от тлеющих поленьев. Печь занимала четверть территории всего пространства дома. Ещё столько же было отведено для деревянной кровати, примыкавшей к побеленному извёсткой тёплому боку печи.

На кровати сидела крупных размеров женщина лет пятидесяти, одетая в длиннополую ночную рубаху, чистую, с красивыми узорами на груди, скорее всего вышитыми руками хозяйки. Большие ноги со следами подагры выглядывали из-под обреза рубахи. Сильные руки лежали на коленях. Крупные черты лица, скорее мужские, приятно гармонировали с остальными частями тела. Густые, чёрные, с редкой проседью волосы могучими волнами спадали на широкую спину и уходили куда-то в ворох одеял и простыней, обрамлявших тело хозяйки хижины.

Это, видимо, и была тётя Агриппа.

В комнате на широкой лавке возле окна, стоящей вдоль стены, сидело ещё одно существо. Оно не бросалось в глаза из-за своей неприметности, ибо и одеждой, и лицом сливалось с серым фоном стены.

Пришлось напрячь зрение, что бы рассмотреть подробности «божьего создания».

Маленькая женщина, одетая в потрёпанный ватник, в тёмном байковом платке, в больших резиновых сапогах, смотрела на нас со страхом в широко открытых глазах. Что-то знакомое во взгляде. Да это же Танюша Фролова!..

– Добрый вечер, сударыни! – сказал Петр Иванович.

– Добрый, Петя! – ответила Агриппа, повернувшись к нам. – Ты чего, на ночь глядя? Кого привёл?

Танюша вскочила со своего места, засуетилась, вытащила из тёмного угла матерчатую сумку, достала из неё стеклянную банку и осторожно поставила на лавку.

– Варенье, малиновое. Будете чай пить. А я пойду.

– Спасибо, Танюшка! Завтра приходи, если будет время. Поговорим. А то мне скучно одной. А вы проходите, присаживайтесь.

– Да я на минутку, Агриппа, – сказал Пётр Иванович. – Вот доктора тебе привёл. Может чем поможет. – Пётр Иванович подтолкнул меня на середину комнаты. – Беженка она. Вроде бы и жить негде. Ты поговори с ней. Она из Франции. Случайно к нам попала.

Танюша у порога оглянулась на меня и сказала:

– Так вы не успели уехать? А мы с мамой вспоминали вас.

– Не успела, – ответила я и стала снимать дождевик.

– А ко мне раза два Фриц приходил, – пророкотала Агриппа, обращаясь к Петру Ивановичу. – Уколы делает. Какие-то порошки принёс. Пью. Горькие, зараза. И ничего на мою лихоманку не действует!

– А ты чего немца Фрицем называешь, Агриппа? Может обидеться.

– Так его Фрицем и зовут. Имя у него такое. Доктор Фриц Бауэр. Душевный парень. Работы у него сейчас прибавилось. Говорит, не до меня. Комендант недовольство высказывает. Тяжелораненых и убиенных не успевают на запад отправлять. Наши, стало быть, зубы начинают показывать. – Тётя Агриппа повернулась ко мне. – Ну и что ты со мной будешь делать, красавица? По-русски то говоришь?

– Говорит, Агриппа. Даже лучше, чем мы с тобой. Пойду я, Агриппа, до хаты. А то Васька всю бражку без меня вылакает. Увлёкаться он ею стал в последнее время. Падучая недавно приключилась. Чуть себе язык не откусил. Хорошо я рядом был. Ну, прощайте!

– Ты, Петь, тоже забегай! Я для Василия твоего отварчик приготовлю. Пусть попьёт вместо бражки. От него голова светлеет. А от пьянки-то, может, лихоманка его и мучает.

– Да нет! Как после финской компании приехал мой сынок домой в помятом состоянии, так и поныне, без улучшений. Ну, бывайте!

– Ага! Не спеши! Цела твоя порция будет! – сказала Агриппа и плавно махнула рукой в сторону Петра Ивановича. – Завтра зайди-ка, как встанешь! Поможешь картошки из погреба достать. Мне, ведь, тяжёлое нельзя. Вчера еле вылезла с ведром. Себе хочу в мундире сварить, да и Зорьке пошло требуется. Не всё же сено всухомятку жевать. И для Василия твоего лекарство будет готово. А теперь иди...

Пётр Иванович улыбнулся, кивнул Агриппе, взглянул на меня и шумно вышел в тёмный тамбур.

Тётя Агриппа немного посидела на своём ложе, поправила простыни и одеяла, взбила перовую подушку, а потом встала и подошла ко мне.

Она была выше меня – примерно метр восемьдесят. Половицы под ней поскрипывали и прогибались. От женщины веяло богатырской силой и спокойствием. Большие и крепкие руки нежно легли на мои предплечья и увлекли к низенькой табуретке, стоявшей напротив топившейся печи.

– Меня зовут Агриппина Васильевна. Для тебя, доченька, – тётя Агриппа. А тебя как величать?

– Николь Депрези де Фо.

– Красиво! Сразу и не запомнишь. А по-нашему как будет?

– Натали, или Наташа.

– Вот! Это – куда понятнее для русского уха! Ты здесь посиди, погрейся, а я сейчас чайку приготовлю. – Агриппа повернулась к огню и сковородником достала из горна огромный чайник, совершенно чёрный от копоти. – Пётр, видать, тебя уже угощал ужином. Лучком попахивает... и ещё чем-то, лекарственным. А до чая они с Васькой не охотники. Они всё бражничают. Вот, кстати, и отварчик заварим, для болезного. У тебя в чемоданчике есть ли что, для лечения падучей?

Светлая голова у тёти Агриппы! В её отвар я и буду добавлять дозы универсального эмбрионального восстановителя.

– Найдётся, – ответила я, взглянув на саквояж, в котором, кроме примитивных муляжей ничего полезного для сельского доктора не имелось.

– Французское, небось? – Агриппа повернулась ко мне, держа не защищённой рукой попыхивавший паром чайник.

– Французское, тётя Агриппа.

Чайник был поставлен на столик. Там же появилась пара гранёных стаканов в подстаканниках с чайными ложечками и большой фарфоровый заварник. В заварной чайник Агриппа

насыпала несколько щепоток чёрной смеси, видимо из высушенных трав, ибо запах от этого «зелья» исходил необычайно приятный. Рядом Агриппа поставила эмалированный кувшин и из тряпичного мешочка, висевшего на стене за печкой, положила в него другую растительную смесь. В заварник и в кувшин налила кипятка и прикрыла их матерчатыми колпаками. Баночка с малиновым вареньем от Танюши Фроловой и ещё одна, из шкафчика Агриппы, со сливовым, были вскрыты и притягивали к себе ягодно-фруктовым ароматом. Два фарфоровых блюдца легли на столик, в довершение чайного натюрморта.

– Подождём, пока запарится чаёк, Наташа, – сказала Агриппа и легко перенесла столик к кровати. – Поскольку мебели у меня лишней нет, я сяду на койку, а ты – напротив. Давай-ка я тебе одеяло подстелю. Мягче будет сидеть.

Тётя Агриппа вытащила из вороха тряпок на печи сложенное одеяло и положила его на стул. Стул я перенесла к сервированному столику и села.

– Не стесняешься! Молодец! Сразу видно – городского воспитания. Сейчас мы всё о себе друг дружке расскажем. И о моих болячках поговорим. И Василию настойку смастерим заодно. Я ведь, доченька, не очень-то верю во все эти лечения. Коли у меня сердечко стало пошаливать, то лучшего уже ожидать нечего. Так и будет периодически останавливать мои душевные порывы, пока не взорвётся. Это точно. И про Васькину падучую врачи говорят, что она так же – пожизненна. Успокоить её можно. А вылечить – нет. Вот не будет парень брагу пить, и приступы будут реже. Со временем могут прекратиться совсем. А начнёт «хулиганить» и падучая – тут как тут. А французы как на этот счёт думают?

– Так же, тётя Агриппа.

– Вот! Стало быть, все наши потуги в виде уколов, таблеток, настоек, заговоров и прочего, – сущая ерунда! Родиться надобно здоровым и беречь себя и своё драгоценное здоровье до конца дней. А ремонтировать можно только машины. Да и они вечные...

Время в темпоральном коконе дёрнулось и замерло...

...Мозг у Агриппины Васильевны большой и без изъянов. Зубы здоровые – все тридцать два. Волосы могучие, с редкой сединой. Шрам от фурункула на правой щеке. И тело нормальное для возраста Агриппы. Сердце дряблое. Ишемия. Сосуды изношены. Холестерин. Подкожные бляшки на животе, руках. Имеют тенденцию к рассасыванию. Подагра. Наросты у большого пальца на обеих ногах. Сухие мозоли. Всё не так страшно. Всё поправимо, даже возможностями медицины двадцатого века. Только где она здесь, их знаменитая медицина!

Мужчин у Агриппы не было давно. Но она ещё может рожать. Правда, для этого нужны условия и медицина двадцать девятого века...

Препарат для Василия был просчитан ещё в его присутствии. Необходимое количество спиртового раствора я поместила в стеклянную бутылку без наклейки и спрятала в саквояж. В стеклянный же пузырёк отфильтровала обычного восстановителя и положила в карман халата. Это для Агриппы.

Ещё раз прошла сканером, снизу вверх. Питается Агриппа скверно. Видимо и бляшки стали рассасываться из-за этого. А телу можно позавидовать. Наши женщины, да и мужчины, редко бывают такой «конструкции»...

– Ой! Чего-то меня потрянуло! Не смертушка ли ко мне с косою припёрлась! – Агриппа басовито хохотнула и прижала левую руку к груди. – Ан – нет! Не щемит! А до этого будто бы перед глазами белые всполохи промелькнули! А теперь вот ты, в белом халатике, передо мной...

Чай успел завариться. Агриппа налила из заварника, разбавила кипятком и стала накладывать себе на блюдце сливового варенья.

– Пряников и эклеров, доченька, у меня нет. Так что из сладостей советую попробовать моё варево, из слив. От малины потеть будешь. А это – сладенькое, и к чаю в самый раз.

– Большое спасибо, тётя Агриппа! Непременно выпью с вашим вареньем стаканчик целебного чаю. А вот вам, перед вечерней трапезой, в виде ежедневных добавок по десять капель, рекомендую это снадобье. Можно в чай, можно в первые блюда, или просто запить кипячёной водой. В кипящую воду лекарство помещать не рекомендуется. Оно потеряет лечебные свойства.

Тётя Агриппа приняла у меня пузырёк, извлечённый из кармана халата, и посмотрела на него с умилением в широко раскрытых добрых глазах. Открыла пробку, осторожно понюхала. Потом слизнула с чайной ложки варенье и накапала в неё указанную дозу лекарства. Решительно опустила ложечку в чай, помешала ею в стакане, одновременно приговаривая:

– Завтра за картошкой в погреб полезу сама... Танюшку к Милке не допущу, подою сама. Дровишек тоже наколю сама... Наташа! А когда облегчение-то наступит? Вот бы к Новому Году выздороветь! А то по ночам ко мне страх подкрадывается и кажется, что я начинаю отходить. Ноги становятся холодными, а лоб мокрым. Рядышком никого нет. Помру в одиночестве! И найдут меня холодную и...

Агриппа осторожно отхлебнула из стакана лечебный чай и посмотрела мне в глаза. Желает услышать красивый и положительный ответ. Не верит в волшебные свойства лекарств, но любит слушать волшебные обещания врачей... И ещё, любит «ёрничать» на данную тему.

– Сегодня, тётя Агриппа, будете спать без сновидений и страхов. Милку завтра утром можете подоить, а с тяжестями придётся недельку подождать. Через месяц у вас должны исчезнуть бляшки, сухие мозоли и седые волосы. Через шесть недель рассосутся наросты на ногах. Сердце и сосуды требуют длительного лечения, но и они больше вас беспокоить не будут.

– Вона, как! Твоими бы устами, доченька, мёд пить! Пей-ка лучше чаёк. Он уже остывает. И варенье попопробуй.

– Я за вами прослежу, тётя Агриппа. Если будете соблюдать режим, то через два месяца станете здоровой.

– Может быть, и Ваське эту сказку ты сегодня рассказывала?

– Нет, тётя Агриппа, ещё не рассказывала. Но нервный тик у него уже не наблюдается. И тяги к питию алкогольных напитков у него и Петра Ивановича с сегодняшнего дня больше нет. Настойку, которую вы приготовили для Василия, я разбавлю лекарством. Он её должен принимать в течение месяца, по пятьдесят граммов, перед сном.

– И падучей у него, естественно, не будет!

– Не будет, тётя Агриппа.

В домике постепенно разлился лёгкий запах мяты, содержащийся в настойке, и повисло ощущение таинственности от моего монолога.

Стаканы быстро опустели. Сливовое варенье, немного приторное от избытка сахара, утолило жажду и расположило к совершенно ненужной откровенности. Я тихо «баила байки», а «Агриппа неверующая», тихонько покачиваясь из стороны в сторону, воспринимала их с уважением и некоторым состраданием ко мне. И ничему не верила. Похоже, в мозгу этой умницы зародилось сомнение о моей психической полноценности. Придётся делать лёгкую деактивацию и убирать из её памяти лишнее. А то, ведь, за сумасшедшую колдунью примет.

Тётя Агриппа выскребла ложечкой из блюдца остатки варенья и налила в стакан немного чаю из заварника.

– Вот беда-то с этой войной! – сказала Агриппа, покачивая головой и глядя куда-то мимо меня. – Что с людьми делает. Василий-то, после контузии, какой стал!? Я его помню сизмальства. Шустрый был парень. В мореходном училище в Ленинграде учился. Потом на финский фронт попал. А от туда домой приехал. Жена у него была. Сбежала, когда узнала о падучей. А дома – мать умерла. Тоже, наверное, подействовало. Сомневаюсь я, Наташенька, на счёт этих чудес с полным излечением...

– Это не помешает вашему выздоровлению.

Я хотела убедить хозяйку в истинности моих слов, но тут же отступила от своего намерения. Агриппа была сама крепость в своих убеждениях.

– О нашем разговоре вы сейчас забудете, тётя Агриппа. Я же буду вас периодически наблюдать. И за Василием, по возможности. Но, с вашей помощью. Жить я у вас не останусь, не беспокойтесь. Но встречаться мы будем... иногда...

Видимо, Тётя Агриппа не ожидала такого конца в нашем разговоре. Она ахнула, с наигранным изумлением посмотрела на меня, и что-то хотела сказать, но вопрос не был сформулирован и замер на полпути к устам...

Да и «недвусмысленное» заявление Петра Ивановича о моём «поселении» к ней всё ещё висело в воздухе. И я его «стёрла» из «повестки дня».

Мне же, в свою очередь, не хотелось уходить отсюда в качестве «тронутой войной мошенницы»...

Я аккуратно «вытянула» из Агриппы зафиксированную информацию. Она лишь поморщилась, словно не хотела с ней расставаться...

Надела дождевик, поблагодарила за чай, вручила бутылку с восстановителем для Василия, содержимое которой посоветовала вылить в охлаждённую настойку, и вышла в пустоту...

26

Гектор долго и монотонно излагал параметры настройки боковых регуляторов пульсаров в Главном модуле, объясняя мне и самому себе принцип их действия при включении канала времени. Всё это мне было знакомо. Я проверяла свою память и отмечала для себя наиболее важные пункты в компакт пакете, на которые следует обратить внимание бионам, ответственным за регулировку защитных экранов...

Поблагодарила Гектора за информацию и в его присутствии сверила таблицы Гудрика, в части их исполнения. Работа выполнена без изъянов.

Гектор не Морис Руа, не оскорбился.

Бионы имеют ряд положительных черт: они не обижаются, не шутят (иногда смеются, дублируя смех хозяина), не спорят, не предполагают и не фантазируют. Они с полной уверенностью, запечатлённой в больших глазах, констатируют факты. Либо с тем же выражением лица отрицают то, чего, по мнению их создателей, не должно быть.

Ещё в институте я, пробовала изложить преподавателю-биону аксиому, не выверенную по тестируемым пунктам, и получала ответы в нескольких вариантах. Ответы меня поражали своей противоречивостью. Ибо кто-то до меня эти вопросы уже ставил перед ним, или перед бионом-вычислителем, и получал возможность выбора одного из множества параметров. Все они были относительно верны. Но «яйцеголовые» выбирали один: либо самый красивый, либо самый краткий, либо самый непредсказуемый ответ. Для применения каждой аксиомы, необходим персональный настрой экспериментатора. Он мог выбрать один из нескольких верных ответов. Но конечный результат, при приближении к источнику искомого аргумента, оказывался на противоположном от истины полюсе. И при конкретном ответе вопрошаемого биона на ещё более конкретный вопрос оппонента, им всё округлялось до красивой идеальности в виде двух вариантов: «да» или «нет»...

И появлялось новое, упрощённое право выбора. Кто-то из математиков шутливо назвал это право «функцией Йорика». Наверное, от шекспировского «быть или не быть». То есть – фифти-фифти.

Но в моём случае требовался «самый истинный» ответ. И, в качестве продолжения нескончаемого процесса, возникала необходимость тщательной проверки обоих вариантов...

Тулов требовал от учеников умения искать эту «истинную истину». И совершенно не терпел разброса мнений по теме «ноль». Так он называл проблемы, решаемые просто, и имеющие в ответе конкретный результат с конкретным знаком перед ним...

27

Агриппа встретила меня с некоторым недоумением в глазах...

Это было второе посещение хижины в центре русской деревни Грачёвка. Шесть дней спустя, после первого.

«Пациентка» ахнула, увидев меня в дверях, которые пришлось отыскивать в крошечной темноте. На этот раз я не поскользнулась на коровьей «лепёшке». Я вошла в дом прямо из модуля.

– Ба! А я думала, что ты мне тогда приснилась, Наташенька! Надо же, какой конфуз! Проходи, располагайся в наших хоромах! Сейчас я тебе молочка кипячёного подам. Хочешь, небось?

– Хочу, – ответила я и направилась к знакомому столику у печи. – Как ваше самочувствие?

– Тьфу-тьфу! Кажись, начинаю оживать! Доктор Бауэр приходил, отметил значительное улучшение в работе сердца. И давление, говорит, нормализуется. Неужто твои капельки помогли? А?

Я улыбнулась. Но отвечать не стала.

В доме жарко. Запах навоза, от коровы, «проживающей» рядом с хозяйкой, проникал из тамбура в жилище и немного дурманил сознание. В прошлое посещение таких резких запахов я не чувствовала. Видимо водка от Петра Ивановича и Василия притупляла остроту обоняния.

Тётя Агриппа, одетая в длинную серую юбку, синюю вязаную кофту, неопределяемого цвета разношенные туфли, в белом платке из тонкой материи, повязанным на русский манер, выглядела оживлённой и непрístupной. Именно, непрístupной. Ибо нынешнее состояние её здоровья никакого сочувствия от посторонних вызывать не могло. И она не скрывала свою независимость от «хворобы» и «лекаря».

Моя пациентка перешла в новое качество. Мне предстояло разговаривать с ней, как с человеком, избавившимся от недугов. Я даже решила, что подобные посещения в качестве «персонального доктора» стоит прекратить.

Кипячёное молоко было приятным на вкус. И ещё! Я впервые в жизни попробовала «картошку в мундире»! Ели мы её с Агриппой, конечно же, без мундира. И запивали тем самым сладким кипячёным молоком...

Поглощая незнакомые мне до этого яства, я чувствовала, как они «безропотно» приживаются во мне. Не то, что «идеальные заменители» моего «сытого» времени...

– А у Василия Матвеева и впрямь щека больше не дёргается, – сказала тётя Агриппа, протягивая мне очередную, очищенную от кожуры, картофелину. – И вроде бы они с Петей больше не бражничают. Настойку-то мою, приправленную твоим зельем, Вася принимает перед сном аккуратно...

Агриппа на секунду отвлеклась от чистки картофельных мундиров и заговорчески прошептала:

– Слушок о тебе, Наташа, до коменданта дошёл. Генрих Линкер – его имя. Ты хоть и тайно появляешься у нас, и всего лишь третий раз, а все же от немцев не убереглась. Этот Линкер просил доктора Бауэра разыскать тебя и пригласить к нему. Раненый он... в шею. Никак до сих пор не оклемается...

– Я навещу его, тётя Агриппа. Сегодня же. У кого он проживает? Вы мне покажете?

– Поначалу в акимовских хоромах отлёживался. Там у немцев вроде больницы. У Симоновых он. Их дом рядом с домиком Фроловых. Симоновы перед приходом немцев съехали. Так Танюша Фролова там прибирается. И за комендантом присматривает. Может, она и сказала коменданту о твоём волшебном появлении в Грачёвке. А я, дуру, похвалилась ей о твоих капельках. И про Матвеевых она знает...

– Не волнуйтесь обо мне, тётя Агриппа. Со мной ничего не случится.

– А я и не волнуюсь. Ты мне, хотя бы по секрету, скажи, Наташенька, где тебя найти в иное время. А то ведь немцам странным может показаться твоё наличие, без конкретного места проживания. Я у Петра Ивановича справлялась. Он говорит, что в окрестных деревнях про белокурую француженку никто ничего не ведаёт. Я даже пожалела, что в тот раз не удержала тебя при себе. Понимаешь, стыдно мне стало за моё нищенское житие. За то, что мы, простые люди, на этом свете никому не нужны. И за социализм наш... и что фашисты пришли к нам, почти без сопротивления. Тем более перед иностранкой. Сама видишь, гостить в моём доме практически невозможно. Грязно, тесно. Живу, как троглодитка! До войны в колхозе обещали мне с дочкой хороший домик поставить. Но не успели. Дочку на учёбу в Москву послали, а со стройкой затянули. Так что...

– С этого дня будем считать, что я проживаю у вас, тётя Агриппа. Я вам скажу, как можно будет связаться со мной. В любое время суток.

Агриппа покачала головой, чему-то улыбнулась.

– А жить у меня ты не желаешь? По-настоящему?

– Стеснять вас не буду...

– А сей момент к коменданту пойдёшь?

– Пойду.

– Сядешь в тамбуре в свою ступу, возьмешь в руки метлу и фюйт! на другой конец деревни!

– Да! – подтвердила я сказочные предположения Агриппы. – А от него, в свою избушку, на курьих ножках. Но информацию на эту тему мне снова придётся из вашей памяти стереть.

– Всё-таки – колдунья! – Агриппа театрально расширила глаза, изображая испуг. Но страха в них не наблюдалось. Она, похоже, была неверующей. Ни в чёрта, ни в Бога. Икон в избушке, по крайней мере, я не видела. – Я, ведь, сразу подозревать начала! Как ты нынче в дверях у меня показалась, так сомнения в меня и закралась. Дверь-то на улицу я недавно изнутри заперла. А ты, по всему выходит, либо у коровы пряталась, под брюхом, либо через стену проникла. Судя по чистенькому халатику и блестящим ботиночкам, с Милкой ты не обнималась.

На этот раз «стирку» памяти Агриппы я сделала аккуратно. Никаких «ахов» и вздрагиваний...

Она лишь печально улыбнулась, соглашаясь с неведением, окутавшим её сознание. Потом встрепенулась и стала сама собой...

Перед уходом подарила Агриппе маленькую иконку из серебра с изображением Святой девы Марии с Младенцем. Вложила в подсознание, как вызвать меня, при крайней необходимости...

Она тихо проводила меня на улицу. Стоя на пороге, посетовала на осеннюю грязь и крошечную тьму. А потом, не дожидаясь моего исчезновения, прикрыла тяжёлую дверь и заперла её изнутри...

Резиновые сапожки с высокими голенищами мы с Уитни превратили в поношенные. Коричневые женские брюки и утеплённую курточку слегка состарили. Фетровую шляпку, похо-

жую на головной убор космического десантника, оставили без изменения. Её серый цвет и без того был мрачным. Чемоданчик с «медицинским камуфляжем» я оставила в модуле.

Прежде чем навестить майора Генриха Линкера, решила «зачистить» территорию Грачёвки от последующих воспоминаний обо мне. Слухи в сельской местности распространяются быстро и надолго остаются в коллективной памяти людей. Последствия, даже при возмущённом состоянии политического фона, могут стать печальными для будущего. И временной фактор может не справиться со сглаживанием «раковой опухоли» искусственного происхождения. Мне только не хватало временной переплaстовки! Для провала экспедиции! Тулов, за моё поведение в прошлом, по головке не погладит.

Пока не поздно нужно заметать следы...

29

По старому смоленскому тракту на восток ползли грузовики с солдатами, танки, конные упряжки с пушками, полевыми кухнями и ящиками с боеприпасами. Иногда можно было увидеть легковые автомашины с офицерскими чинами. Всё это с трудом въезжало на холм, в селение, и без остановки, по заполненным жидкой грязью колеям ускользало в конце деревни вниз, в вечерние потёмки. А впереди, над сплошным маревом низких облаков, мерцали едва заметные сполохи, словно августовские зарницы. Там, под Москвой, шёл жестокий бой...

Сырой и холодный ветер со злостью выдувал из Грачёвки бензиновый запах и сизый чад, оставленный проезжавшей техникой. Север потихоньку протягивал к деревне снежные щупальца, которые вели вместе с капельками дождя первую разведку, для неумолимо приближающейся зимы...

Правая сторона Грачёвки для немецких солдат выглядела более привлекательной. Большие и относительно уютные дома сельчан были заселены солдатами из батальона связи и интендантского взвода. В этих домах военные техники установили временное электрическое освещение, производимое дизельной электростанцией, работавшей в тёмное время суток. Кроме дизеля, у отдельных домов, монотонно работали бензиновые моторчики, обеспечивавшие энергией связистов, госпиталь и дом, оставленный хозяевами, в котором проживал комендант гарнизона майор Линкер.

Военный патруль, прогуливавшийся вдоль забора, бдительно охранял покой оккупантов. У дома Симоновых находился стационарный пост. Что бы попасть к коменданту, необходимо было миновать дощатую будку, в которой стоял молодой солдат с автоматическим оружием. Появляться перед Линкером, минуя стражу, как перед тётей Агриппой, было небезопасно. Здесь требовалась официальность...

Я открыла скрипнувшую калитку у дома Фроловых и подошла к уже знакомым мне ступенькам. Из окон дома пробивался яркий электрический свет. Смело постучала в дверь...

Рослый пожилой солдат, пахнувший дешевым одеколоном и сапожным кремом, отворил дверь и молча впустил меня в освещённый керосиновой лампой коридор. Смешно прищурившись, он стал рассматривать меня, буквально с ног до головы.

– Ты есть кто? – спросил солдат, закончив поверхностный осмотр незваной гостьи.

– Фрау Николь Депрези де Фо, – по-немецки, но с французским прононсом ответила я.

Солдат немного помолчал, а затем, открыл дверь в дом и пригласил войти.

В доме светло и очень жарко. В просторном помещении без перегородок находятся ещё трое военных и знакомые мне Анастасия Филимоновна и Танюша Фроловы.

Солдаты, в том числе и ефрейтор Липке, сидят в левом углу за широким квадратным столом и ужинают. Над ними сияет прикреплённая к потолку электрическая лампочка. Справа располагаются четыре дощатых топчана с тюфяками и серыми одеялами. Верхняя форменная

одежда аккуратно развешена на стене. Карабины и автоматы покоятся в пирамиде, в центре комнаты.

Хозяева дома Фроловы уютятся на низеньких табуретках по другую сторону натопленной печи – чистят картофель. От печи исходит неистовый жар.

– К нам пришла прекрасная незнакомка, – сказал встречавший меня немец.

Трое за столом одновременно прекратили трапезу и обернулись.

Ефрейтор Липке первым остановил начавшую развиваться «сцену молчания».

– Шпрехен зи дейч?

– Я хорошо говорю по-немецки.

– Пожалуйста, назовите себя и скажите, что вам нужно.

– Николь Депрези де Фо. Врач. Меня разыскивал господин Линкер.

Мужчины помолчали, не приступая к еде, но и не встали из-за стола, что бы представиться. Как-никак, перед ними незнакомая женщина.

– Таня! – крикнул ефрейтор.

Танюша Фролова выбежала из своего угла и остановилась рядом со мной.

– Таня, эта фрау проводить к гер Линкер!

– Да! – негромко сказала женщина и робко кивнула, осеняя себя крестом.

Ефрейтор и солдаты одновременно приступили к ужину и уже не обращали на меня внимания. Встретивший меня немец с равнодушной миной на лице присоединился к компании.

Перед уходом из дома я «заглушила воспоминания» обо мне у присутствующих, в том числе и у Анастасии Филимоновны.

Танюша не произнесла ни слова за время пути к дому Симоновых. Но её присутствие рядом со мной позволило беспрепятственно дойти до господина коменданта. Часовой у калитки лишь взглянул на меня, сверкнув в лицо лучиком карманного фонарика.

Поднявшись по ступенькам, мы попали в просторную, совершенно пустую террасу. Тщательно вытерли обувь о тряпичный половичок, лежащий перед тяжелой дубовой дверью, и вошли в помещение, которое можно назвать прихожей и кухней, одновременно.

Танюша забежала вперёд и торопливо открыла передо мной застеклённую дверь, ведущую из служебной половины пятистенного дома в «жилой сектор».

Похоже, что Симоновы, являвшиеся хозяевами жилища и уехавшие до прихода немцев, были не простыми крестьянами. Их дом отличался от других чистотой, наличием фабричной мебели и украшений на стенах. Коврики, копии картин, портреты родственников в застеклённых рамках, несколько полок с книгами. В углу стоит небольшой столик с патефоном. На круглом столе в центре комнаты возвышается причудливая ваза синего стекла, с букетом из кленовых веточек с жёлтыми и красными листьями. Справа, за перегородкой, находится спальня с высокой кроватью, трюмо и прикроватной тумбочкой. Там же возвышается массивный платяной шкаф, украшенный причудливой резьбой по дереву.

Сканирую тёмную комнату, являющуюся продолжением спальни. Ничего интересного там не обнаруживаю. Возвращаюсь в гостиную.

Слева у необычной печи, представляющей собой одновременно камин и голландку с плитой, на массивном диване, полулежит комендант Генрих Линкер. Одет по-домашнему – в тёмно-коричневую пижаму и роскошные шлёпанцы. Явно не из гардероба коменданта. Широкая марлевая повязка «украшает» длинную шею нового хозяина дома. Лицо коменданта, поху-девшее и бледное, выглядит по-арийски суровым. Светло-голубые глаза печально взирают на пляшущие языки пламени. Тонкие руки, с длинными пальцами нервно подрагивая, тянутся к теплу. Линкер с бумажным шелестом потирает друг о дружку сухие ладони и изредка касается ими тщательно выбритых щёк. Это, похоже, доставляет ему удовольствие. Однако замечаю, рана, полученная от юного русского лейтенанта, причиняет немецкому майору некоторые

неудобства. Линкер при касании ладонями к щекам осторожно вытягивает и без того длинную шею и еле заметно щурится.

Танюша бесшумно выходит из комнаты и осторожно прикрывает за мной дверь. Я успеваю «заретушировать» её память...

Генрих Линкер медленно поворачивается и встаёт, опираясь на спинку дивана. Густые светлые волосы, слегка выющиеся и разметавшиеся во все стороны, он осторожно поправляет свободной рукой. И улыбается...

Немец, при ближайшем рассмотрении, – вполне симпатичный мужчина. Выше среднего роста, стройный и широкоплечий. В молодости, он, вероятно, занимался лёгкой атлетикой, спортивной гимнастикой или фехтованием. И «дерево жизни» этого офицера, скорее всего, состоит из представителей интеллигенции. Возможно – служителей муз, учёных, писателей. Но никак не из военных.

Общую картину портит то, что стоящий передо мной немецкий интеллигент находится не у себя дома. Он пришёл, на эту бедную и несчастную землю, не в гости. Его никто не звал в Россию, в это маленькое селение, в этот, по меркам того времени, благоустроенный дом, хозяева которого спешно ушли, спасаясь от «цивилизованных» варваров.

Что бы сделать богатыми и счастливыми своих соплеменников, он, как и многие тысячи солдат Рейха, наполнивших горем всю благословленную Европу, убивал, насиловал, грабил и унижал себе подобных. Здесь, в этой стране, он – враг...

– Комендант гарнизона майор Генрих Линкер, – представился по-русски офицер «несокрушимого Вермахта», еле заметно кивнул, приняв стойку «смирно», и сдвинул пятки, от чего домашние шлёпанцы произвели звук треснувшей ветки. Если бы майор был в форменных сапогах, щелчок был бы очень эффектным и, несомненно, произвёл бы некоторое впечатление на даму. То есть, на меня.

– Николь Депрези де Фо. Врач. Беженка. Родом из Франции. В России нахожусь в командировке. Работала в Бородино. Изучала историю Отечественной войны 1812 года.

– Беженка? Это что? или кто? – спросил Линкер.

Перехожу на немецкий и пытаюсь объяснить майору термин, который мне самой не очень понятен.

– Беженка, это лицо женского пола, вынужденно покинувшая место постоянного или временного проживания в связи со стихийными бедствиями, эпидемиями или, как в данном случае, оккупацией территории иностранными войсками.

– А вы, миледи, от кого бежите?

– От германских войск. И вообще, от войны.

– М-да! – задумчиво говорит Линкер и тут же предлагает мне снять верхнюю одежду и присесть на один из стульев, стоящих подле круглого стола.

Не скрывая любопытства, оглядываюсь и замечаю на стене около двери самодельную вешалку. Снимаю и вешаю на деревянные крючки куртку и шляпку. Сапожки поменяла на тапочки, женские, судя по размеру.

Линкер остаётся на месте и наблюдает за мной.

Когда я оборачиваюсь, он виновато улыбается, разводит руками и говорит:

– Извините! Мне следовало бы помочь вам снять верхнюю одежду. Не сразу сообразил. Располагайтесь.

Присаживаюсь на стул.

– Я уже отужинал, фрау Депрези. Но вас хочу угостить чем-нибудь. У меня имеется неплохое вино. И я выпью с вами немного, если вы не возражаете составить мне компанию?

Фраза произнесена по-русски, с некоторым артистизмом и с претензией на «высокий штиль».

– Не возражаю.

И это было правдой, так как мой желудок, как обычно, перед выходом в «иные среды», пустовал и требовал «балласта».

Более не говоря ни слова, Линкер снял со стола вазу с кленовыми ветками, осторожно водрузил её на подоконник и на минуту вышел в кухню-прихожую. Скоро на столе появились тарелки, большая фаянсовая чаша с отлично выглядевшими яблоками и тёмного стекла бутылка с вином. На бутылке отсутствовала этикетка и её содержимое, похоже, пробовали. Пробка в горлышке сосуда уже извлекалась, и уровень жидкости в нём был несколько ниже нормы. Потом Линкер принёс вилки, ножи и два симпатичных хрустальных бокала. Возле моей тарелки он положил вилку слева, нож справа. Свою пару небрежно бросил на стол и подошёл к печной плите. Из низкой эмалированной кастрюли на моё блюдо переключевали два приличных куска обжаренного мяса. Себе он положил один, очень маленький. От мяса исходит одурманивающий аромат. У меня, возможно, потекли слюнки. Я не сдерживаюсь и делаю судорожное глотательное движение. Линкер замечает это и сочувственно улыбается. Из кастрюли поменьше майор извлекает румяные кусочки картофеля и красиво размещает их возле мяса. Аппетитный дурман усиливается. В принесённой из кухни хлебнице лежат тонко нарезанные ломтики чёрного русского хлеба. Хлеб свежий и источает свой, неповторимый экзотический аромат.

Я, скорее всего, выгляжу перед офицером, бродяжкой, не имевшей во рту и маковой росинки последние два-три дня. А Линкер это использует – демонстрирует яства неторопливо, словно наслаждаясь моими, трудно сдерживаемыми эмоциями...

Закончив сервировку стола, Линкер на секунду замирает, соображая, что нужно сделать ещё, дабы удовлетворить гостью. Вспомнив, подходит к маленькому столику с патефоном, роется в коробке с большими чёрными дисками-пластинками и, наконец, извлекает то, что искал. Пристраивает пластинку на бархатном круге патефона, крутит блестящую никелем ручку на аппарате и бережно ставит на диск никелированный динамик с иглой...

Музыка! Волшебная музыка пробивается сквозь волнообразное шипение диска и наполняет пространство комнаты звуками, чарующими и ввергающими в иной иллюзорный мир далёкого прошлого. Прекрасного и загадочного...

Синтетическая «звуковая мишура» времени, недавно покинутого мной, сочиняемая под настроение индивидуума, нуждающегося в усилении эмоционального психостатуса, несколько избаловала мои вкусы, да и всех жителей галактики. К мелодическим пассажам, «изобретаемым» синтезаторами в домашних условиях, поющая волшебными звуками музыка древних не имеет прямого отношения. У них это «чудо» рождалось в великих муках для массового потребления. И оно использовалось жителями планеты долгие годы с момента его сочинения. Со временем классические сочинения утратили былое значение. Они незаметно растворились во времени и пространстве. Так прекрасно для утончённой человеческой души уже никто не сочинял. То, что мы имеем, и называем музыкой, стало обычным «суррогатом», вроде чашки кофе по заказу потребителя. Кофе чёрный, со сливками, с сахаром, по-турецки и так далее. А здесь – превосходное, нетленное и для всех сразу!

– Узнаёте? Григ! Ария Сольвейг...

Я робко киваю.

Конечно же – Григ! Гений, о котором я ничего не знаю. Один из тысячи полузабытых в далёком будущем гениев древнего мира...

Что бы вести беседы о музыке, о литературе и прочих душевно-психологических и творческих изысках в этом времени, моим современникам, будущим путешественникам в прошлое, придётся получать дополнительное специальное образование. Иначе – фиаско!

– Давайте попробуем вина. За знакомство!

Линкер наполняет бокалы.

И вино источает чудной аромат. Виноградная лоза и знойное лето...

И, чёрт меня возьми, я почти готова принять мужские ласки от этого красавца, если, вдруг, он примется предлагать мне такой «бартер»... Об этом я подумала минуту спустя, когда господин майор, томно улыбаясь, нежно цокнул своим бокалом с моим. Но «глупые женские мысли» улетучиваются, когда Линкер торжественно изрекает:

– За победу великой германской наций! Прозит!

Я не поставила бокал на стол. И не плеснула мужчине вином в лицо. Я сделала несколько глотков и закусила мясом. Красное вино к мясу – в самый раз. А потом сказала:

– Вы так уверены в своей победе, господин майор?

– Да, фрау Депрези! И вы в этом убедитесь! Очень скоро наши войска будут маршировать в Москве по Красной площади! Я не стану убеждать вас в обратном. Это же очевидно!.. Как вам вино? Понравилось?

– Приятное, – отвечаю я, поглощая мясо с картошкой.

– Я не знаток вин, но и оно мне понравилось. Это из запасов партийных руководителей города Смоленска. У советских большевиков неплохой вкус. Что за марка, определить не могу. Возможно – французское. Или из крымской коллекции.

Не обращая внимания на воркование Линкера, я съедаю всё, что было на тарелке, запивая остатками вина. Внутри у меня потеплело. Кажется, я начинаю привыкать к застольям у «аборигенов» двадцатого века с поглощением спиртных напитков. Впрочем, пора брать бразды правления в свои руки. Не сидеть же с этим «сверхчеловеком» допоздна.

– Спасибо за угощение, господин майор!

– Может быть ещё вина?

– Спасибо! Нет! Я хотела бы узнать, зачем я понадобилась господину майору? Может быть, как врач?

Линкер отпивает из бокала глоток рубинового напитка и пристально смотрит на меня. Пытается прочесть мысли? Нет. Он играет роль человека высшей расы. Незаметно, даже для хозяина этих светло-голубых пятнышек под белёсыми ресницами, от германца потекло «излучение» уничижительного пренебрежения к «особи» женского пола, созданной Всевышним по своему образу и подобию, но «худшего» качества, не из самого лучшего адамова ребра. Не смотря на мою молодость и привлекательность, и то, что французы и немцы живут по соседству, и наши древние предки когда-то сидели на одном дереве, он унижал. Я чувствовала «стальную» арийскую мощь. Она, по мнению гота, более совершенна, чем доброта и простота почти побежденных славян, и более полезна для Рейха, чем романтические «прелести» франков для поверженного ниц Парижа...

Впрочем, я фантазирую...

– Я узнал, фрау Депрези, что вы существуете в этом мире. Что вы занимаетесь врачеванием сельских больных и, кажется, преуспеваете в этом. И захотел с вами познакомиться. Доктор Бауэр, наш военный Эскулап, с моего позволения, пользует некоторых жителей деревни. По мере возможности помогает им. И он очень удивился, когда узнал о вашем параллельном шефстве над тяжело больной женщиной. По его словам, пациентка должна была содержаться в реанимационном отделении хорошо оборудованной клинической больницы. Диагноз он ставил весьма неутешительный. Но вот, появились вы, и эта несчастная уже выздоравливает. Если, конечно, здесь не имеет место факт симуляции болезни. Но я доверяю лейтенанту Бауэру. Ему и моему помощнику ефрейтору Липке я поручил отыскать вас и пригласить ко мне. Ничего дурного я вам не сделаю. Ни как мужчина, ни как «завоеватель чужих территорий обитания». На этот счёт не беспокойтесь.

Линкер встаёт из-за стола и степенно выходит на середину комнаты.

– Мне не повезло, фрау Депрези, в такой эпохальный момент для нашей армии и для великой Германии. В данное время я должен находиться на передовой линии фронта и вести своих солдат к столице русских. И будет обидно, если мой батальон войдёт в главный город

русских без меня. Из-за ранения мне поручили исполнять обязанности коменданта гарнизона в этой деревне. Другой бы позавидовал – ранен, но не убит. И место относительно спокойное. И Москва от меня никуда не денется. Но, всё-таки, первым – почёт и уважение.

Мне нечего было сказать на это «обделённому» судьбой коменданту. Но он и не ожидал моего сочувствия и комментариев к сказанному. Он просто рассуждал вслух.

– Кстати, фрау Депрези, я хотел бы узнать, почему вы «бежали» не в сторону Москвы. Если вы вышли из знаменитого для французов Бородино, то получается как раз наоборот. Вы двигались на запад.

– В сторону Парижа, – сказала я, изображая улыбку.

– Резонно. Но, по оккупированной территории это невозможно. Вы ещё ребёнок. Вы умрёте по пути на родину. От голода, холода – впереди зима; от мародеров, гуляющих по лесам и уже именующих себя партизанами; от изголодавшихся по женщинам немецких солдат. Да мало ли от чего можно сгинуть в этой стране. Похоже, у вас и документов, удостоверяющих личность, нет.

– Нет, господин майор.

Между прочим, по поводу таких документов я даже не подумала. А ведь паспорт и какие-то там справки в этот период были просто необходимы каждому человеку.

– Ну вот! – сказал Линкер, спокойным голосом. – Наверное, потеряли или оставили в Бородино. Если оставили, то их можно поискать в доме, в котором вы проживали.

– Они сгорели вместе с подбитой машиной, на которой я ехала на запад, – начала я выдумывать легенду для коменданта.

– И ещё вопрос. Где вы обитаете в данное время? После прихода наших войск?

– В соседней деревне. Названия я не помню. Это рядом, – я показала рукой в сторону, где находилось предполагаемое селение.

Линкер усмехнулся.

– Я тоже не могу запомнить их названия. Они практически не выговариваемые. Ну да ладно. Теперь по существу вопроса, по которому я вас и разыскивал.

Линкер прошелся за моей спиной и снова сел за стол. Глотнул из бокала.

– Если вы действительно занимаетесь врачебной практикой, то, что за медикаменты вы используете при этом? Они что, действительно так эффективны? Или вы вводите своих пациентов в заблуждение?

– И поэтому они выздоравливают, – съехидничала я.

– Я не собираюсь вас допрашивать, фрау Депрези. Но, возможно, вы знаете, какие-то секреты, которые могли бы стать достоянием Рейха. Руководство страны и сам Фюрер с большим интересом относятся к всякого рода аномалиям, естественного или искусственного происхождения. Даже коллекционирует их. Изучает и пытается понять это «нечто», порой необъяснимое с точки зрения современной науки. Фюрер благосклонно относится к людям, имеющим аномальные способности. Или к тем, кто знает что-либо о необъяснимых явлениях, артефактах и прочих чудесах. Наша планета просто кишит этими неразгаданными тайнами...

Надо же куда повело моего собеседника! Не ожидала от военного такой прыти. Ну, что же, придётся продемонстрировать Линкеру маленькое «чудо», а, потом, стереть из памяти всю ту чепуху, что я покажу ему...

Или этого делать не стоит?

Боже! А меня-то куда несёт! Нельзя же издеваться над человеком! Тем более что он вполне приличный мужчина. Если не брать во внимание его происхождение, политическое мировоззрение и безразличное отношение к юным «красавицам», почти соглашающимся остаться наедине с ним, на всё тёмное время суток...

Я снова ёрничаю, но уже в свой адрес...

– У вас серьезное ранение, господин майор? Оно вас беспокоит. Хотите, я вылечу вас? Прямо сейчас?

Линкер опешил.

Он, вероятно, придумывал новые веские аргументы в пользу своих доводов по выявлению очередного Чуда для Великого Рейха. А тут мой, не до конца обдуманый «демарш»...

Осторожнее, Николь! Ведь ты «беседуешь» не с Морисом Руа...

Допив остатки вина, Линкер некоторое время смотрит на мои руки, на волосы, на одежду. Потом начинает монотонно задавать вопросы, на которые мне не хотелось бы отвечать.

– Фрау Депрези, где вы достаете дорогие духи, качественные шампуни? Кто делает вам маникюр? И у какого парикмахера вы были примерно дней пять тому назад? Где вы приобрели эту, такую симпатичную кофточку из прекрасного материала? И почему в этой деревне с трудно выговариваемым названием у вас ещё не отобрали золотую цепочку с кулоном и прелестный перстень с изумительным сапфиром?

Кулон, украшавший меня, вещь дорогая, но является лишь украшением. А вот перстень со стразом сапфира и пультом связи с модулем – моя охрана, мой транспорт, моя жизнь...

– У меня состоятельные родители в Париже, господин майор. А с хозяевами, приютившими меня, я рассчитываюсь сполна. И они не претендуют на мои ценности и моё благополучие. К тому же у француженок в крови заложено себялюбие. Неужели из-за вашего появления здесь я должна опускаться до состояния троглодита?

– Хорошо. Я не буду вступать с вами в полемику. Но, в изученных мной окрестностях, я не обнаружил отелей и замков, где бы вы, поддерживали себя на должном уровне. В Грачёвке вас видели ещё до нашего прихода сюда. Следовательно, вы здесь находитесь более месяца. За этот период вы и ваша одежда должны были пропитаться сыростью, грязью, запахом навоза. Обитая в хижинах местных жителей не мудрено обзавестись и вшами. Руки у вас должны быть с обломанными ногтями и мозолями от работы на ваших покровителей. Поверьте мне, даром вас вряд ли кто будет кормить! И ваша верхняя одежда, совсем не похожа на тот костюм, в котором вы впервые появились перед моей служанкой Таней. Это она вас привела ко мне. В первый день появления в Грачёвке у вас не было с собой багажа. И причёска у вас была другая.

– Вы хорошо информированы. И с вами трудно спорить. Да и не к чему!

– Это моя работа, фрау Депрези. Прибыв сюда, я первым делом наладил связь с местным населением и узнал многое, необходимое для нашей безопасности в военное время. Информация о населении не представляет большой ценности. А вот вы меня заинтересовали. Особенно после сообщения лейтенанта Бауэра.

– Вероятно, о посещении тёти Агриппы.

– И ещё одной семьи, где внезапно перестали пить самодельный шнапс два хронических алкоголика. Один из них, получивший в финскую компанию серьёзную контузию и, в довершение к ней, прогрессирующую эпилепсию, внезапно выздоровел. А два дня тому назад исчез из деревни, попутно прихватив с собой отцовский дробовик и четверых молодых парней. Теперь будем ожидать диверсий со стороны местных партизан.

– Господин майор, уже поздно, и мне не хотелось бы задерживаться у вас. Я повторяю свое предложение о быстром лечении вашей раны.

– Надеюсь, вы не шутите, фрау Депрези?

– Будем считать, что вы дали мне согласие. Оставайтесь на своём месте, не волнуйтесь. Через секунду вы можете снять повязку, за ненадобностью...

Над «окаменевшим» Линкером пришлось работать около получаса. Повреждённую сонную артерию я восстановила быстро. Русскому лейтенанту следовало выстрелить на пять миллиметров левее, и эта встреча не состоялась бы. Отшлифовала внутреннюю полость кровотока вместе с наложенной «заплаткой». Мышечную ткань пришлось очищать от химических ожогов

лекарством, аналога сухого стрептоцида. Соединение волокон, после чистки прошло быстро. Кожный покров склеила с помощью аппарата биосварки. Повязку с шеи пациента я не снимала. Кто его знает, этого господина Линкера!

Хроностат выключила мгновенно. И, одновременно, «выкрала» сиявший над челом «злого ангела» нимб...

Линкер дёрнулся, прищурил правый глаз и осторожно погладил марлевую повязку в районе раны.

– Нет, фрау Депрези, я уж как-нибудь с доктором Бауэром завершу своё лечение. Он, хоть и молодой врач, но имеет большой опыт в зашивании дырок на солдатской шкуре.

– При такой интенсивности лечения время заживления подобных ранений обычно длится месяца два. Да и шрамы остаются на всю жизнь. А у вас, господин майор, ничего под повязкой нет. Вас уже можно признать симулянтом.

– Неужели вино ударило вам в голову, фрау Депрези! Или вы устали от моих подозрительных вопросов? Конечно же, я не верю во всю эту чепуху с колдунами и артефактами. Но в нашем ведомстве имеется один интересный приказ, который рекомендует офицерам Вермахта обращать внимание на всё необычное. Вот я и отработал вас, как возможного кандидата в маги. Где вас можно найти, фрау Депрези? Сегодня мне не хочется больше мучить вас своими подозрениями.

– Вы найдёте меня через тётю Агриппу.

– Прекрасно.

– Благодарю за угощение, господин майор! До свидания!

– Заходите, фрау...

Я оделась и вышла...

Тонкая нить Индивидуального пространства безмолвно поглотила меня и перенесла в модуль... прямо из прихожей.

Грачёвка во всех ипостасях уже погружалась в тревожную ночь. Природа активно работала над завершением осеннего периода.

Сельчане с нарастающей тревогой думали о завтрашнем дне.

Немецкие солдаты грезили о скорой победе...

А я смотрела на всё это с высоты птичьего полёта, как чрезвычайный уполномоченный посол Отца, Сына и Святого Духа...

30

Не сильный мороз медленно сковал напитанную влагой землю, а, затем, укрыл её толстым снежным саваном. Дорога же по-прежнему выделялась чёрной лентой, изуродованной гусеницами танков. По ней, как по артерии, продолжали течь к Москве колонны военных машин. Изредка появлялись гужевые повозки, где тягловой силой были не только лошади-тяжеловозы, но и диковинные в этих краях длинноногие верблюды. Ещё реже можно было увидеть колонны пехотных подразделений.

Над заснеженными крышами домов висели размытые дымные «грибы». Немцы постоянно топили печи и почти не выходили на улицу. Дрова, заготовленные крестьянами на зиму, быстро закончились и для «выработки» тепла солдаты использовали заборы, лишние перегородки в домах, сараи и даже собачьи будки. Пошли на дрова и деревья, так красиво обрамлявшие заиндевевшими кронами, сельские палисады и улицу вдоль смоленского тракта. К середине декабря Грачёвка выглядела «раздетой» почти донага.

Личный состав подразделения комендатуры несколько раз обновлялся. Из постоянных военных оставались лишь майор Линкер и ефрейтор Липке. Отправили на линию фронта

и лейтенанта Бауэра. Он попрощался с выздоровевшим комендантом гарнизона и уехал из его памяти навсегда...

31

Серебряный амулет Агриппы оторвал меня от текущих дел и позвал на свежий воздух.

Зимнюю одежду, испытанную мной в Тибетских снегах, мы с Уитни так же решили немного «состарить» и основательно «обтрепать». Короткие валяные сапожки с чёрными из жжёной резины калошами пришлось «согласовывать» с альбомом. «Старые» шерстяные брюки, серый свитер, из дублёной овечьей шкуры полушубок грязно-коричневого цвета и мою любимую вязаную шапочку лишь слегка «припудрили», согласно историческому моменту.

От чистого снега на улице стало светло. Даже при только что начавшихся сумерках. Я огляделась и вышла не далеко от избушки Агриппы. Не останавливаясь, свернула с изуродованной танками дороги на тропинку, ведущую к дому. Женщина стояла возле входа в дом и смотрела, как я «кувыркаюсь» на скользком утрамбованном снегу и пытаюсь пройти короткую, но труднопреодолимую дистанцию.

– Впервые, что ли, снег-то видишь? – проворчала Агриппа, помогая мне удержаться на обледеневшей площадке перед входом. – Знала бы, дорожку песочком посыпала.

Я отступила к обочине, в скрипнувший под ногами сугроб. Здесь было легче держать равновесие.

– Не впервые, но давно не испытывала себя в качестве пешехода по обледеневшим дорогам. Да и обувь не совсем подходящая...

– От чего же? Обувка у тебя, Наташенька, самая, что ни есть – подходящая. Хоть и замаскировала ты её под навоз, но выглядит совершенно новой.

Вот «прохиндейка» и это заметила. Вернусь на базу, обязательно обращусь к Тулову с просьбой о пересмотре проекта Инструкции для хроноскопистов и разведчиков. Будут «выныривать» в прошлом, пусть одеваются в местных магазинах. В крайнем случае, пусть раздевают аборигенов. Конечно же – не бескорыстно. Иначе – провал и неотвратимая перепластовка.

Я нагнулась и попробовала выгрести из валенка насыпавшийся в него снег.

– Пошли в хату. Носочки просушишь. Не дай бог, простудишься!

Мы вошли в тамбур. Я отметила, что место, где обитала корова Милка, пусто. В доме прохладно и темно. Лампа не горит. А света от двух подслеповатых окошек хватает лишь для приблизительной ориентации в замкнутом пространстве, если ты в нём обитаешь и ориентируешься с закрытыми глазами.

– Присядь на минутку. Сними валеночки, я вытряхну снег. Яблочного чаю с мятой хочешь?

– Хочу.

– То, что ты не умеешь стесняться, мне особенно нравится в тебе. И не отказываешься ни от чего. Молодец, Натальюшка!

Агриппа извлекла из печи закопчённый чайник и налила мне в пол-литровую кружку ароматной жидкости.

– Это у нас называется – компот. Яблоков у меня сушеных мешка три на печке лежит. Вот ими и питаемся. Молочка-то, доченька, теперь у нас нет. Сожрали фашисты наших коровушек. У всех, подчистую, выгребли. На наших глазах резали, разделявали и в грузовики грузили. Фронту, видите ли, не хватает свежих продуктов. Коз, правда, побрезговали забирать. Есть тут у некоторых такая скотина. Ты пей-пей! Он не горячий. А то, совсем остынет. Кисленький. С морозцу хорошо принимается!

Агриппа потрогала печь рукой.

– Надо будет веток сухих в лесу наломать. Солдатики из дома напротив все наши дровяные запасы истребили. Теплолюбивые, заразы! Прости меня, господи!

Агриппа села рядом и тяжело вздохнула.

– Давно тебя не видела, красавица. Соскучилась. Вот, думаю, позову, покалякаем. Не оторвала от дел?

– Нет, – сказала я и отпила глоток кисло-сладкого компота. Тоже полезная пища, если в меру.

– У тебя, Наташенька, видимо есть какое-то дело? Ведь не зря же в такое страшное время ты здесь? Если секретное – не говори.

– Секретное. Но оно потерпит. Так что нового у вас?

– Ничего нового. Вот разве что Васька Матвеев оклемался от своей лихоманки и в партизаны сбёг. С ним ребята уходили, местные. Так те вернулись. Намёрзлись, бедолаги! Землянку в лесу построили. В ней и обитали, пока морозец за пятки не начал щипать. А Василий ни в какую не захотел вертаться. Задумал, будто бы, к фронту продвигаться тайными тропами. Мальчишки ему еды отнесли. Говорят, что видели в своей землянке кого-то ещё. Мужик какой-то к Василию прибился. Но это уже было давно. Недели две тому назад. А Пётр Иванович один дома кукует. Табуретки из досок мастерит. Танюша Фролова частенько приходит. Разговариваем с ней о пустяках. Про тебя вспоминаем. Господин комендант опять интересовался тобой. Он как выздоровел от ранения, так свирепым стал. Всех своих интендантов на фронт отправил. Говорят, некоторых из них уже назад привезли. В домовинах. Фрица жалко. Тоже в немилость угодил. Его-то мог бы и оставить. Пропадёт он на войне. Если не убьют, то замёрзнет. Теперь какой-то старикашка в санитарях бегаёт. Но этот по нашим больным не ходит...

Тётя Агриппа замолчала. Несколько раз вздохнула и, наконец, сказала:

– Извини меня, Наташенька, что потревожила тебя. Я ведь твой подарочек всегда с собой держу. А сегодня дай, думаю, скажу заветное слово. Вроде как бы проверить захотелось. Не приснилось ли мне всё это. Вижу, что не приснилось. И хорошо...

32

На бледно-голубом небосводе висело ослепительное солнце. Оно не грело. Наоборот, казалось, что от светила исходит въедливый холод, проникающий во все щели. И деться от этого холода некуда.

Ветер под солнцем тоже делал свою работу. Он монотонно перемещал снежные барханы с полей и огородов к зыбким веткам кустов, к кое-где сохранившимся плетням, к стенам домов и строил там огромные сугробы. В некоторых местах снежные горы вырастали до крыш. Они сливались с заметёнными жилищами, и белая пыль теперь перелетала через аморфное сооружение беспрепятственно.

Солдаты, не привыкшие к таким каверзам русской зимы, выскакивали из тепла на улицу, быстро отгребали снег от входа в жилище и тут же убегали назад.

Заиндевший смоленский тракт уже не выделялся грязной полосой на белом фоне. Он тоже сверкал спрессованным снегом, который моментально заполнял колею, оставленную танком или машиной.

Жители деревни спокойно относились к нагрянувшим морозам. Женщины по-прежнему собирались возле колодцев и сплетничали, пока кто-то неторопливо крутил колодезный вал, доставая воду. Отсутствие военных патрулей и постоянных уличных постов несколько расхолаживало адаптированное к зиме население. Но всё равно, женщины боязливо оглядывались на свои дома и разом замолкали при появлении на улице укутанных в тонкие шинели постояльцев.

Иногда в Грачёвке появлялись небольшие вагончики-теплушки, топившиеся углём и короткими древесными чурками. Их, видимо, выгружали на одной из железнодорожных станций и передавали интендантскому подразделению. Подчинённые майора Линкера снаряжали короба вагончиков топливом и испытывали действенность доселе невиданных обогревательных агрегатов в условиях русской зимы. Теплушки устанавливали на полозья и увозили на восток, прицепленными к машинам или гусеничным тягачам. Новинка военной экипировки была необходима фронту. С вагончиками в гудящую от стужи неизвестность постоянно поступало пополнение живой силы немецкой армии.

К середине декабря мороз немного ослаб, что, несомненно, подняло воинский дух германских солдат. Они отметили потепление весельем в виде исполнения застольных немецких песен и военных маршей. А также умеренным употреблением немецкого шнапса и русской самогонки.

Самогон был выдан ефрейтору Липке Петром Ивановичем Матвеевым добровольно. Видимо запас этого зелья у Петра Ивановича имелся не малый, так как мужское население Грачёвки и после такого «самоотверженного» поступка не прекращало навещать его дом с целью приобретения «лечебного» напитка.

Конец декабря стал трагическим для жителей Грачёвки.

В эти дни в деревню прибыл на временный постой финский батальон.

Союзники германцев бесцеремонно выдворили на улицу из облюбованных ими жилищ всех грачёвцев, невзирая на возраст и пол. Никакие мольбы о сострадании к несчастным в счёт не принимались.

Взрослое население деревни принялось сооружать временные жилища в виде землянок. Рыть окаменевшую от мороза землю было трудно. И грачёвцы решили использовать для своего устройства высохшие пруды, песчаные раскопки и прочие углубления в земле, имевшиеся в овражках за приусадебными участками и на склонах у безымянной речки. Пока мужчины и трудоспособные женщины «строили», дети и старики обитали в домиках Агриппы и Петра Ивановича. «Хижины» этих грачёвцев, видимо не показались заносчивым лапландцам.

Ефрейтор Липке разрешил «строителям» использовать срубы старых сараев для сооружения в землянках крыш-накатов. Им же было выделено несколько железных бочек из-под солярки, из которых деревенские старики делали печки.

Выдворенное население «отпраздновало» новоселье и Новый 1942 год одновременно...

33

Рослые и белокурые войны маршала Маннергейма отметили своё присутствие бурно. Они мгновенно уничтожили все запасы шнапса, имевшиеся у ефрейтора Липке, и от него же узнали о самогоне Петра Ивановича. Четыре пятидесятилитровые фляги, предназначенные для нелегальной продажи или обмену, заготовленные ещё до прихода немцев, иссякли за одну декабрьскую ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.